Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке http://filosoff.org/ Приятного чтения!

Мысли о фашизме. М. К. Первушин
1927 г.
Народился, развивается, растет, пуская новые и новые корни в уже подготовленную событиями плодородную почву, и давая новые и новые зеленые побеги, наш, русский фашизм. Живет он в разных странах, где ютятся и едят горький хлеб изгнания и рассеяния миллионы ушедших с родины русских. Но живет он, русский, национальный русский фашизм, и там, откуда мы по воле Судьбы, временно ушли, и мы знаем, что его существование и рост пугают большевиков, мы знаем, что вожди большевиков в дальнейшем росте этого боевого движения видят грозную опасность для своего владычества над Россией, хотя, сейчас, это движение делает только первые, и очень трудные шаги, и его развитие на каждом шагу встречает огромные препятствия. Является ли Россия исключением в этом отношении? Конечно, нет! Фашистское движение идет во всем культурном мире. Буквально нет такой, более или менее культурной страны, где этого движения не было бы. Есть фашизм английский, французский, испанский, германский, голландский, шведско-норвежский. Появляются фашистские течения в экзотических республиках Центральной и Южной Америки. Есть уже фашизм Южно-африканский. Делает первые шаги фашизм в Австралии и Новой Зеландии.

Дело идет к тому, что это движение, зародившееся около семи лет назад в Италии, становится движением мировым. Мир - он велик. Одним из основных законов, регулирующих его жизнь, является закон инерции, а по-русски - косности. Каждое новое идейное движение, политическое ли, этическое ли, или религиозное, оно осуждено вступить в борьбу, с владеющей массами и пространством, инерцией, и раньше, чем разлиться широкой и глубокой волною, оно должно преодолеть инерцию, преодолеть общую косность Если новое движение является жизненным, имеющим законные права на существование, - оно, путем напряжения своих молодых сил, преодолевает инерцию. Если ему не удается преодолеть инерцию значит, оно не обладает необходимым импульсом, и оно осуждено не гибель. Но фашизм, как мы знаем, победоносно прокладывает себе дорогу в мире. Его поступательное движение, в своей настоящей стадии, имеет определенный характер, довольно быстрого нарастания. Движение не глохнет, а развивается, захватывая все большие и большие пространства, увлекая все большие и большие массы. И пусть далеко не везде фашизму удается осуществление намеченных им целей, пусть в большинстве стран, где фашизм существует, ему приходится еще завоевывать права гражданства, - все же, поступательный характер движения является неоспоримым, а это заставляет верить, что окончательная победа за фашизмом обеспечена. Будущее за фашизмом. И я, как первый русский, примкнувший идейно к фашистскому движению, как первый русский журналист, с самого начала этого движения в Италии, почуявший его колоссальное значение и начавший пропагандировать фашистскую идею в русской среде, - считаю себя имеющим право сказать: Будущее - за нами, фашистами. Оглядываясь на прошлое, совсем недавнее, а вместе и такое далекое. Больше пяти лет назад в качестве давно обосновавшегося в Италии человека, причастного итальянской журналистике, обязанного по своей журналистской профессии, изо дня в день, наблюдать местную жизнь, я принялся корреспондировать о фашизме тем эмигрантским органам печати, сотрудником которых тогда являлся. Результаты получились и совершенно неожиданные, и весьма мало приятные для меня. Многоуважаемый редактор одной крупной берлинской газеты написал мне сухо: - Мы не можем уделять место таким мелким и имеющим чисто местное, узко ограниченное значение явлениям. Пишите о чем-нибудь другом! Еще более многоумный и высокоученый редактор парижской газеты оповестил меня через секретаря редакции: - Итальянское фашистское движение мы приравниваем к искусственно насаждавшемуся в России черносотенному и открыто погромному движению. Нас удивляет, что вы смотрите на подобное движение с положительной точки зрения Несколькими неделями позже, третий "господин редактор", к тому же человек, много лет проживший в Италии и считавшийся поэтому авторитетом, по итальянским делам, писал мне: - Вы, как всегда увлекаетесь. Но вы должны были бы лучше знать итальянцев. Не понимаю, как вы можете придавать серьезное значение этому курьезному движению. Ведь, ясно же, что это - горящий пук соломы. Вспыхнул, запылал ярко, а через минуту - погас. И ничего нет, кроме пепла... Это последнее письмо было получено мною уже в те дни, когда по воле Муссолини, шла фашистская мобилизация, завершившаяся "походом на Рим" и приходом фашистов к власти. Позже, когда Муссолини был уже итальянским премьерминистром, я снова принялся стучаться в двери русских редакций, пытаясь заинтересовать их судьбами итальянского фашизма,

и дать мне возможность пропагандировать фашистскую идею в русской эмиграции. И опять полученные мною результаты были и неожиданными, и неприятными для меня. Берлин писал мне: - Но, ведь, ясно же, что фашисты, узурпировав власть, оказались в безвоздушном пространстве и обречены задохнуться в нем или через несколько недель, или даже через несколько дней! Париж откликался: - Антидемократические тенденции и антидемократические приемы итальянского фашизма уже совершенно дискредитировали это беспочвенное движение. Мировая Демократия задавит фашизм, не прибегая даже к силе, задавит его, просто, одним своим презрением. Тщетно стучался я тогда и в двери русских издательств, отдавал даром свой труд, лишь бы получить возможность напечатать и распространить брошюру, посвященную истории развития фашистского движения в Италии, фашистской доктрине, возможному значению фашизма для всего культурного человечества, и предполагаемым судьбам итальянскою фашизма, как авангарда мирового фашизма: Одни отвечали, что "политика надоела". Другие ссылались на насыщенность книжного рынка. Третьи боялись, связанных с изданием небольшой брошюры, грошовых расходов. Четвертые откровенно признавались, что это - не по их части. Вот, если бы какой-нибудь этакий сенсационный романчик с уголовщиной и с сильно эротическими сценами... Давно ли это было?! Чуть не вчера... Пять лет, четыре года... Та картина, которую мы наблюдаем сейчас - не имеет ничего общего с наблюдавшеюся раньше. В самой Италии, на родине фашизма, Муссолини держит власть в железных руках уже пять лет. Эта фашистская власть пережила несколько жесточайших кризисов, - но справилась с этими кризисами и укрепилась, закалив силы в борьбе, грозившей молодому фашизму гибелью. Итальянский фашизм успел накопить уже богатый, чисто государственный опыт, как положительный, так и отрицательный, и этим, местным опытом, начинают глубоко интересоваться правительства других стран. Отношение к фашизму во всем мире резко изменилось в том смысле, что ни у кого же, даже у многоумных господ редакторов больших русских эмигрантских газет - не хватает смелости отрицать огромное значение фашизма и утверждать, что это движение подобно пламени от пучка сухой соломы. Фашистская идея проложила дорогу и в русскую среду. Появляются, радующие взор, буйные всходы русского фашизма. И вот, в эти-то дни мне, повторяю, первому по времени русскому Фашисту, и первому, принявшемуся сеять на русской ночве фашистские семена, - хочется поделиться с читателями "Нашего Пути", первого русского органа национального фашизма, моими мыслями о фашизме, его причинах, его корнях, его правах. Его роли. Но раньше, чем приняться излагать мои "мысли о фашизме", считаю необходимым сказать следующее: На итальянском языке имеется уже достаточно богатая документальная литература, посвященная фашизму. Кое-что переведено и на русский язык, и, между прочим, совсем недавно на страницах "Нашего Пути" печатался отличный перевод книжки Сарфатти о фашизме и о "Дуче" Однако, пользование чисто итальянским материалом, даже в переводе, далеко не даст тех результатов, которые были бы желательны, - и это совершенно понятно; ведь, итальянцы то пишут для итальянцев, и о том, что и пишущими и читающими наблюдалось и переживалось. Это значит, что пишущий избавлен от необходимости говорить подробно о массе вещей, ибо свой, итальянский читатель это все и знает, и помнит. Он понимает все с полуслова. А, вот, принимается за чтение итальянского материала иностранный, особенно же русский читатель, - и оказывается в затруднительном положении, ибо на каждом шагу натыкается на то, о чем имеет лишь весьма смутное представление, а зачастую никакого представления. Кроме того, у итальянцев имеется собственная, чисто итальянская точка зрения на фашизм, - совершенно законная. Но, ведь итальянский фашизм неразрывно сплелся с итальянским национализмом, и, в множестве случаев, трудно разобрать, что относится к фашизму в его чистом, идейном виде, а что должно быть отнесено за счет итальянского национализма. Однако, - если фашизм, как таковой, - есть явление мировое и потому "интернациональное" - местный, итальянский национализм никак не может, и, конечно, не должен претендовать на такое широкое значение. У нас, детей Великой России, создавшей собственную культуру, имевшей собственные национальные задачи и цели, должен быть и собственный, русский или "российский" национализм. А раз это так, то и на фашизм мы имеем право, и больше, мы обязаны смотреть не через ту призму, которой пользуются итальянцы, а через призму русскую. Если признать, что фашизм есть явление общее, а это так, то фашизм итальянский делается неизбежно явлением частным, входящим лишь одним из элементов в явление общее. Влияние территориальности тут сказывался очень резко. До такой степени, что сам Муссолини, частенько выступает с заявлениями, в которых утверждает, что "фашизм неповторим". Иначе говоря, сам творец итальянского фашизма склонен отрицать права на существование за всяким иным, кроме итальянского, фашизмом. Это, конечно, ошибочно, и рост фашизма в разных

странах уже показал что в данном случае Муссолини ошибается. Отмечу еще: на русском языке имеется отличная брошюра о фашизме, написанная моим уважаемым коллегой В. Новиковым. Но далеко не весь ценный материал мог быть уложен в рамки этой брошюры. И у меня найдется, что сказать моему далекому читателю Был, как-то в Риме, проездом, один крупный политический деятель старого русского режима. Мне с ним пришлось встретиться на вокзале, в ожидании отхода поезда, увозившего соотечественника в Париж и Лондон. В нашем распоряжении было минут двадцать. А говорить приходилось о многом. И вот, уже усевшись в купе, в ожидании третьего звонка, приезжий ошарашил меня предложением: - Не можете ли вы просветить меня по части фашизма? Что это за штука? В чем смысл? Какова "фашистская доктрина"? Признаться, мне, до сих пор как-то не удавалось урвать время от моих прямых занятий, чтобы познакомиться с этим движением... У меня, признаться, даже дух захватило. Ведь, вот, если бы ктонибудь предложил этому человеку рассказать "в общих чертах" историю деятельности, ну, скажем, кадетской партии в Государственной Думе, он облил бы собеседника своим презрением. - Такая обширная тема. Один эпизод с "Выборгским воззванием" чего стоит?! А выступления П. Н. Милюкова? А поездка в Париж, для агитации против государственного займа?! Ну, разве можно на такую обширную тему вести беседу "от звонка до звонка"... А, вот, если речь зашла о фашизме, - иное дело: - Скажите, в двух словах, суть фашистской доктрины! Политические доктрины никак нельзя уподоблять математическим формулам. Политика - это, ведь, не алгебра. Там, в алгебре, какая-нибудь, истина может быть дана в простой формуле: - Двучлен А плюс В, возведенный в квадрат, равняется У в квадрате, плюс 2АВ, плюс В в квадрате. Политическая доктрина - нечто живое. Она вырастает из симбиоза и взаимодействия многих разнородных элементов: и бытовых, и экономических, и исторических, и психологических. Тут никак нельзя сводить все к какой-нибудь коротенькой "формуле", по той простой причине, что целый комплекс сложнейших явлений не укладывается в отвлеченной математической формуле. Конечно, не так трудно дать "общее представление" о фашизме и в очень коротких терминах. Скажите, что "фашизм есть антитезис большевизма", - и вы не уйдете далеко от истины. По это не значит, что вы, противопоставив фашизм большевизму, этим самым уже дали исчерпывающее определение фашизма. На самом деле, вы только определили то место, которое фашизм, и не весь, а "некий", занимает по отношению к большевизму. Вы отметили только один из многих факторов фашизма. В антифашистском лагере, там для фашизма имеется еще более грубое и упрощенное определение: - Фашизм - да это, ведь, тот же большевизм, только вывернутый наизнанку! Это - обвинительный приговор фашизму, вынесенный даже без совещания, судом господ присяжных заседателей мирового демократического трибунала, присвоившего себе право судить всех и вся с заоблачных высот демократических идей, формулированных творцами французской революции 1789 года. У социалистов всех оттенков, не исключая и большевиков, для фашизма имеется уже готовое определение: - Фашизм является орудием мирового капиталистического строя, выработанным и применяемым для удержания пролетариата в рабстве по отношению к буржуазии. Недавно, беседуя со мной в Риме, некий новорожденный дипломат "из бывших сельских учителей", представитель одного "новообразования", выпалил такое определение фашизма: - Фашизм - это хулиганство, прикрывающееся политическим флагом. И, представьте, и он был вовсе не далек от истины! Но от какой - это вопрос! Вся суть в том, что в его "новообразовании" оперирует шайка заведомых хулиганов, присвоившая себе, неведомо на каком основании, название "фашистов". А посмотрите в другую сторону, и вы там найдете другое определение фашизма, данное одним из ближайших соратников Муссолини несколько лет назад, в медовые месяцы пребывания фашистов Италии у власти: - Фашизм есть крестовый поход для спасения мировой культуры, для спасения всего человечества. Фашисты - это рать современных крестоносцев. Если вы обратитесь к самому Бенито Муссолини, родоначальнику, идеологу и верховному руководителю итальянского фашизма, то, к своему несказанному удивлению услышите от него, что, дескать, "фашизм - есть чисто итальянский феномен, могущий существовать и развиваться только на итальянской же почве, только в итальянских бытовых и исторических условиях". И вы услышите еще от Муссолини, что, по его мнению, сие будто бы чисто итальянское движение является "неподражаемым" для других стран. В других странах, в другой обстановке, - там могут проявляться, могут развиваться какието другие движения, внешне схожие с итальянским фашизмом, но по существу - совершенно другого рода, При всем моем уважении к Муссолини, - с этим его заявлением я никак согласиться не могу, и по той простой причине, что тот же Муссолини, в сравнительно недавнем прошлом, когда итальянский фашизм выдерживал на своих плечах всю тяжесть кровавой борьбы с натиском разрушительных сил, во главе которых шли социалисты, смотрел на итальянское фашистское движение,

как на определенную часть обширного международного движения. Отсюда-то и идет приведенное мною выше определение фашизма, как мирового похода крестоносцев на защиту всего культурного достояния человечества. Нынешним заявлениям Муссолини резко противоречит и тот факт, что пусть с запозданием, но, все же, фашистское движение проявляется и завоевывает почву и в других странах, даже очень далеких от Италии, и в обстановке, которая ничего общего с обстановкой итальянской как будто не имеет. Но, разумеется, Муссолини совершенно прав, когда говорит о "подражании" и о "повторении": суть в том, что, по самой своей натуре, политические движения не могут иметь ни малейшего успеха, если они являются попытками слепого и формального подражания, попытками повторения. То, что было совершенно законным, уместным, целесообразным, скажем, в Италии в 1922-1922 годах, - отнюдь не может быть "повторено", скажем, в Испании, - ибо в Испании - совершенно иная обстановка, и совершенно иной "людской материал", и у этого "людского материала" совершенно другие национальные задачи. Разрешите мне привести, к случаю, один маленький, но очень характерный эпизод из русской военной истории. Около шестидесяти лет тому назад, в эпоху завоевания Туркестана, один небольшой русский пехотный отряд схватился с очень большими количественными силами бухарцев. Русские сразу перешли в наступление. Неприятель находился на равнине. По пути - неглубокая, по пояс, речка. Солдаты перебрались через речку, но дальше - нет возможности идти "бегом" в тяжелых солдатских сапогах - по пуду воды. Командир скомандовал: задирай ноги вверх! А когда вода вытекла - "Вставай! Стройсь! Вперед!". Бухарцы были разбиты на голову. С трудом спасшийся от плена военноначальник эмира сразу сообразил в чем дело: - Урусы наколдовали! И бухарским войскам был отдан приказ: Каждый раз, когда предстоит схватка с Урусами, надо ложиться на землю и задирать ноги вверх! Результаты от применения такой тактики, конечно, не замедлили дать себя знать в ряде поражений бухарцев, которые не всегда успевали даже выполнить "хитрое колдовство" и снова стать на ноги... Итальянские фашисты, возрождая старую-престарую традицию, ввели в употребление так называемое "приветствие по-римски": человек становится в известную позицию, - так когда-то становились римские воины, - и театральным жестом протягивает вперед правую руку в уровень с плечом. Представьте, - здесь это ничуть не режет глаз. Но, если, скажем, где-нибудь в ледяных пустынях Гренландии зашитые в меха эскимосы вздумают принимать такие позы римских воинов, и делать такие величественные жесты, - это, конечно, будет производить весьма комичное впечатление. У итальянских фашистов создалась своя форма на ногах обмотки. Короткие шаровары. Черная сатиновая или шерстяная рубашка запущена в штаны. На голове - шапочка бескозырка, формою напоминающая турецкую феску, с черной кисточкой. "Форма" эта родилась совершенно естественно в период гражданской войны, когда "боевым дружинам" фашистов нужно было подобие "мундира", дабы в схватках отличать своих от чужих. И такое обмундирование, по тогда существовавшим условиям - являлось общедоступным экономически. Но, если, скажем, нарождающиеся где-нибудь в знойной Африке туземные фашисты вздумают щеголять в черных рубашках и черных же шапочках под палящим африканским солнцем - пиши пропало: на походе один за другим будет сваливаться от солнечного удара. Я нарочно привожу именно такие, чисто житейские "примеры", чтобы ярче иллюстрировать основную мысль: Слепое подражание и попытки "повторения" к добру приводить не могут. Но это означает следующее: - Мы должны не подражать слепо, а действовать сознательно, продуманно. Мы должны пользоваться, но пользоваться, конечно, разумно и умело чужим опытом. Действуя, мы должны применяться к обстоятельствам, к обстановке, и ни в коем случае не вдаваться в грех, о котором говорит старая русская пословица, требующая, чтобы человек умел видеть "лес", то есть общее, хотя бы и заслоняемый "деревьями", то есть "частным". Итак: нам нужна душа фашизма, нам нужен дух фашизма, а все прочее годится "постольку-поскольку". Посмотрим же, в чем эта "душа фашизма", в чем этот "дух".

* * *

Колумб, отплывая из Палоса, даже не подозревал о существовании гигантского американского континента: он плыл искать прямого пути в Индию. Говорят, что "Колумб открыл Америку". На самом деле, он "открыл" только некоторые острова, близкие к американскому континенту. Уже после Колумба, продолжателям его дела, пришлось странствовать больше ста лет, открывая Америку кусок за куском. То же самое происходит и с политическими доктринами. То же было и с фашизмом, в лице итальянского фашизма. Первый, и, пока что единственный серьезный теоретик и идеолог фашизма, создатель этого мощного движения, его руководитель, его "Дуче", Муссолини отнюдь не

породил фашистскую доктрину в готовом и полном виде, как, по классическому мифу, Минерва родилась из головы Зевса-Юпитера. Теперь, но только теперь, Муссолини очень и очень строптиво возражает против предположения, что "фашизм родился, как естественная реакция против буйного разгула руководимого социалистами и особенно коммунистами каторжного типа итальянского революционного движения 1919-1920-1921 годов". Но объективно - это так, а не иначе. Рождение фашизма именно таково: разгул революционных течений, эксцессы опоенной революционным дурманом буйной черни, злая анархия, кошмарные условия существования для основной, мирной по натуре, трезвой трудолюбивой массы населения, все это пробудило и обострило, бессмертный в итальянской нации, инстинкт самосохранения. Этот инстинкт принялся искать потребных форм, чтобы проявить себя в широких размерах. Муссолини проявил исключительную способность к интуиции, проявил огромный организаторский талант, проявил и другие таланты, и нашел, оказавшуюся весьма подходящей, сразу для воплощения потенциальной энергии в жизнь внутреннего движения. Он создал "фации", "пучки" из способной активно действовать и национально мыслящей молодежи, главным образом - из той, которая прошла боевую школу мировой войны, и которой победа социалистов грозила смертельной опасностью. Смею думать, что, по крайней мере, на первых порах вся "фашистская доктрина" сводилась вот к чему: - Нам грозит нож социалистического мясника. Неужели же мы должны покорно и безропотно подставлять горло? И дело началось именно борьбой во имя собственного спасения. Если это и была "Минерва", то, во всяком случае, при выходе из головы Юпитера - она имела отнюдь не ту сложную форму, какой она облекается теперь... Муссолини, как вы знаете, вышел из рядов социалистической партии, где, в молодости, вплоть до начала Мировой войны, он играл очень и очень видную роль. Но, как социалист, он никогда не был теоретиком социалистической доктрины, хотя бы таким, как его же соотечественники Турати и Сэррати, не говоря уже о Плеханове, Ленине, Энгельсе, Марксе и прочих "великих в Израиле" от социализма. Муссолини был не столько "социалистом", сколько "революционером", ухватившимся за социализм, как за, по существу, революционное учение. В социалистических рядах он и отмежевал себе место не "теоретика" и "идеолога", а "революционного практика". Здесь не место, да и не время заниматься вопросом, как, почему, при каких именно условиях - будущий родоначальник фашизма порвал с социалистами. Важно заметить одно: исключительно активная, полная творческих элементов и буйной энергии натура Муссолини заранее предопределяла для него необходимость не ограничиваться просто разрывом со вчерашними соратниками, но и вступление с ними в борьбу. Для таких натур нет середины: или друг, или смертельный враг. Но социализм, вообще, есть течение антинациональное по основной идее. Для социализма национализм является если не единственным, то одним из главных врагов. Поэтому-то совершенно естественным явилось, что, порвав с социалистами и испытывая непреоборимую жажду вступить с ними в борьбу, Муссолини устремился в сторону национализма. Но национализм связан и с другими основными элементами современной культуры, и в первую голову - с так называемым "капиталистическим строем", а проще говоря - с принципом частной собственности. Анализируя первые этапы фашистского движения в Италии, когда главным деятелям этого движения, с Муссолини во главе, - просто было некогда заниматься созданием сложных политических теорий, мы ясно видим, что тогда "фашистская доктрина" сводилась к весьма скромной формуле: - Надо защищать свою жизнь, свое достояние. Отсюда вытекала необходимость защищать гарантирующую право на жизнь и достояние, граждан государственность. Но итальянская государственность тех бурных дней находилась в печальнейшем положении. Если она еще и существовала, то исключительно по инерции. Длившееся на протяжении целого столетия, систематическое развитие формально демократической идеи, с построенными на этой идее инструкциями совершенно атрофировало монархическую власть. Король практически превратился в подобие "Верховного Нотариуса", все дело которого сводится к "скреплению" своей подписью и своей королевской печатью актов, формулирующих действия парламентского правительства. И в критический период в жизни страны королевская власть оказалась, как бы не существующей. С другой стороны, и Парламент, построенный на чисто демократических принципах народного представительства, и в теории выражающий волю большинства, оказался практически совершенно безоружным и бессильным перед буйным, диким, открыто разрушительным натиском революционной черни. Торжествовал принцип, по которому "законно сформированное и законопослушное парламентское правительство не может действовать иначе, как в рамках полной законности, орудиями и средствами, предоставляемыми в его, правительства распоряжение существующими законами". Но торжество этого принципа приводило вот к чему: так как законы не предусмотрели, да и не могли предусмотреть, возможности грубого засилия ничтожного количественно, но могучего

решимостью и полным презрением к пресловутой "воле большинства" революционного меньшинства, так как законы не предусмотрели, да и не могли, конечно, предусмотреть, что подавляющее большинство мирного гражданского населения в критический момент в жизни нации проявит пассивность, государственность оказалась лишенной возможности защищаться по недостатку имевшихся в ее распоряжении сил и средств. Но, ведь, и силы, и средства еще были? Да, конечно, были. Это доказывается быстрым и чудесным успехом предпринятой фашистами под руководством Муссолини борьбы с революционными ордами. Это доказывается уже тем, что как только фашисты принялись за активную борьбу, не считаясь с формальной легальностью, с строгими рамками законности, - наметился огромный прилив сторонников в ряды их организаций, и в первую голову - в ряды их "боевых дружин". Но, если это так, - тогда почему же эти антиреволюционные национальные силы не пошли прямо на помощь еще существовавшей государственности, не предоставили себя в распоряжение парламентского правительства, обязанного защищать эту государственность? - Потому что "законное правительство", являвшееся "эманацией парламентского большинства", которое, в свою очередь, являлось "эманацией большинства населения", - вовсе и не думало призывать к себе на помощь эти живые и мощные национальные силы. Почему? А, вот, видите ли... По формально-демократической, то есть, бездушнотеоретической государственной формуле, для парламентского правительства нет никакой разницы между существующими политическими партиями и группировками. Все партии, все группировки, включая и социалистов, и коммунистов, и наконец, даже анархистов, отрицающих всякую государственность, имеют совершенно одинаковое право на существование и на действие, согласно своим программам. Правительство не имеет права вмешиваться в борьбу партий, становиться на сторону какой-нибудь одной партии, прибегать к активному сотрудничеству с любой из них против другой или против других. По теории, "правительство не может быть стороной в гражданской войне". Если какая-нибудь партия взяла на себя инициативу этой гражданской войны, то за правительством остается право и обязанность выступить против данной партии. Если, только, конечно, это окажется практически возможным... Но если какая-нибудь другая политическая партия выступит против первой и станет бороться с нею, хотя бы и во имя спасения гибнущей явно государственности, во имя защиты и спасения целой нации, - эта партия, видите ли, с чисто юридической точки зрения совершает такое же преступление, как и первая, ибо она узурпирует права и обязанности законного правительства. А если это законное правительство проявляет свое полное и всестороннее бессилие? Нужды нет! Важен, ведь, принцип. Но, ради Бога! Ведь, в таких случаях явно обнаруживается полное банкротство этих великолепных принципов, оказывающихся оторванными от живой жизни! Но, ведь, при применении таких теорий государства и нации осуждаются на гибель, как только в населении образуется достаточно многолюдная шайка маньяков или душегубов! Ничего не поделаешь! Принцип прежде всего... Мы, русские, лучше, чем кто-либо, знаем, к чему приводит идиотское идолопоклонство перед бумажными, зачастую совершенно бездушными принципами. Ведь, именно во имя этих "священных принципов", "Безвременное Правительство", в котором заседали Львовы, Милюковы и Керенские, протестовало против задержки английскими агентами мчавшегося в Россию Троцкого. Во имя тех же "священных принципов" был допущен торжественный въезд в пределы, ведшей кровавую войну, России несколько сот соратников Ленина, заведомых изменников и предателей, которые, к тому же, ничуть и не скрывали своих намерений заняться организацией в России социалистической революции, да еще во дни войны. Во имя все тех же "священных принципов" правительство слизняка-истерика Керенского торжественно объявило "изменником и предателем" генерала Корнилова, и одновременно раскрыло столичные арсеналы для снабжения оружием двадцати тысяч петроградских хулиганов, навербованных большевиками и готовившихся приняться резать "буржуев". Во имя тех же, собственно, "принципов" "Временное Правительство" отказывалось применить силу для изгнания из дома Кшесинской вооруженной шайки заведомых душегубов и грабителей, называвших себя анархистами, и в то же время подвергало наказанию казаков, которые "осмелились" разгромить захваченную большевиками частную типографию и выбросить в Неву сотни пудов разрушивших армию большевистских прокламаций... Нечто подобное, пусть и в более смягченной форме, было и в Италии: парламентское правительство, обязанное защищать жизнь и достояние граждан, отказывалось применять вооруженную силу для очищения фабрик, заводов и мастерских, захваченных организованными социалистами и анархистами, шайками из рабочих и профессиональных преступников, когда народившиеся фашисты принялись за активную вооруженную борьбу с грабителями и убийцами, шедшим под красным революционным флагом, то же правительство объявило действия фашистов противозаконными и их самих подлежащими строгой уголовной ответственности. О том, что итальянская

социалистическая партия является сугубо ответственной за кровавые деяния, комплекс которых составлял "действия гражданской войны", - парламентское правительство не осмеливалось даже заикаться. Но оно же, под давлением тех же социалистов, определенно склонялось К идее объявления, защищавшей экстралегальными средствами ту же государственность, фашистской, партии "преступную". И собиралось, в угоду социалистам, объявить эту партию распущенной, а в случае ее неподчинения распоряжению властей, намеревалось пустить в ход и вооруженную силу, ту самую, которую не решилось пустить в ход против социалистов и коммунистов. Я много раз задумывался над вопросом, чем объяснить успех борьбы итальянских фашистов с революционной чернью, наметившихся на первых же шагах фашистского движения, и бывший полным, кричащим контрастом с неуспехом всех попыток такой же борьбы со стороны государственной власти. Может быть, я ошибаюсь, но, право же, нахожу только единственное объяснение, услышанное мной тогда же от одного фашистскою "боевика", вот оно. Пусть мой читатель извинит меня за некоторое многословие. Оно тут оказывается необходимым. - Культурное человечество проглядело тот факт, что народилась и приобрела права гражданства социалистическая партия, противопоставляющая себя всему остальному человечеству. Общее законодательство, вырабатывавшееся долгими веками, явно оказывается отставшим от века, как отставшей оказывается и господствующая в обществе психология. По ныне везде и всюду применяемому законодательству культурных стран, в принцип возводится лишь индивидуальная ответственность. Принцип этот проводится так далеко, что, например, когда в руки власти попадаются, члены разбойничьей шайки, целой организации, занимающейся грабежом и душегубством, как промыслом, суд скрупулезно разбирается, кто из членов этой шайки и в какой именно степени, повинен в действиях, совершенных шайкой. Например, - одна ответственность возлагается на разбойника, специальностью которого было производить так называемую "разведку" или сторожить, покуда другие душат и режут своих жертв. Другая степень ответственности признается за тем, кто жертву только держал, но сам не резал. Третья за тем, кто резал. При этом, во имя гуманности, сознательно упускается из виду, что сама-то данная шайка создана с заранее определенной целью грабить, душить и резать, что а ней роли распределяются по соображениям внутреннего порядка, и что действия отдельных членов являются только элементами одного органически целого. С этой же точки зрения, уже одно пребывание на положении сочлена разбойничьей организации является достаточным для применения высшей степени наказания. Раз речь идет о "шайке", то нельзя говорить, что "Икс ограбил, а Игрек зарезал" ведь, они действовали не как индивидуумы, а как члены шайки. Значит, надо говорить: "шайка ограбила", "шайка зарезала". И надо признавать, что ответственность за действия Икса и Игрека ложится на всех их сотоварищей. Ныне действующее законодательство вырабатывалось, в основных своих чертах, еще тогда, когда не было политических партий, ставящих себе основной задачей разрушение ныне существующего экономического строя и установления диктатуры одного класса. Такой партией является социалистическая, со всеми своими разветвлениями. В основу своей политической деятельности она берет принцип борьбы не с субъектом, а с классом. Эта партия, в лице своих отдельных сочленов, взрывает динамитом принадлежащую Иксу фабрику или подсылает убийц к Игреку не потому, что Икс и Игрек чем-либо хуже всех других несоциалистов, а потому, что они принадлежат к классу, которому социалисты объявили войну, и который они стремятся подвергнуть вовсе не теоретическому, а чисто физическому уничтожению. Это доказано красноречивыми примерами деятельности коммунистов Баварии, в Венгрии и особенно в России. Если бы взрывание фабрик и буйство "буржуев" не предусматривались самой программой действий, то, конечно, ответственность за эти деяния можно было бы возлагать только на лиц их совершивших. Но так как подобные деяния предусматриваются самими программами социалистических партий, то, ясное дело, ответственность должна быть распространяема и на всю партию, и в первую голову, конечно, на лиц, занимающих в этой партии руководящие посты. Борьба, находящейся в угрожаемом положении государственности с отдельными социалистами не имеет смысла, если она не распространяется на всю организацию, членами которой эти отдельные субъекты состоят. Везде и всюду социалистические партии, согласно с их теорией, с их программами, ведут, в той или иной форме, гражданскую войну. Где только предоставляется возможным, по инициативе тех же "идеологов" и "лидеров", - социалисты прибегают в надлежащий, по их оценке, момент и к самым кровавым расправам с политическими противниками, даже держащимися совершенно пассивно. Где обстоятельства еще не позволяют применения кровавого террора, там социалисты ведут кропотливую подготовительную работу для этого массового террора. Но нигде и ни при каких обстоятельствах они не отказываются от своего намерения приняться грабить и резать "буржуев", как только для этого представится удобный

случай. Нельзя отрицать, что применением такой тактики социалисты достигали известных успехов: есть страны, которые находятся у них под ярмом, как Россия, есть другие страны, где социалисты, не добившись полного господства, все же оказывают огромное влияние на ход дел, и упорно подвигаются ко власти, которая будет употреблена приблизительно так, как было в Венгрии и России. Но почему же безуспешной оказывается везде и всюду борьба находящейся в угрожаемом положении государственности против напора социалистов? Прежде всего потому, что везде и всюду эта государственность, еще не привыкшая вести борьбу с таким исторически совсем новым противником, ограничивается применением тактики более или менее пассивной обороны, тогда как сами социалисты, и совершенно резонно, применяют гораздо более выгодную тактику нападения. Они держат инициативу в своих руках, - и это удесятеряет их силы, дает им целый ряд преимуществ, обеспечивает выгоды, которых иначе им бы не получить. Затем, везде и всюду, построенная на старых и уже отсталых принципах государственность добровольно ограничивает свои собственные средства самозащиты против социалистов, применяя и к ним общий принцип строжайшей формальной законности. Вследствие этого получается некоторое подобие поединка между честным человеком, действующим по всем правилам старинного дуэльного кодекса, и заведомым душегубом, который ни с какими кодексами не считается, и орудует всеми подвертывающимися под руку средствами и способами. Честный дуэлист "по кодексу" собирается выйти на назначенное место встречи со шпагой или с пистолетом, - а его противник прокрадывается в его кухню и подсыпает яду в графин с водой, из которого будут пить, может быть, дети и слуги. Он прокрадывается в спальню врага, и пыряет мясницким ножом лежащую на кровати фигуру. Он подкладывает бомбу, которая взорвет весь дом. А если и это не подействует, - он не задумается встретить идущего в указанное место дуэлиста выстрелом изза угла. Что же странного, если, как общее правило, социалисты везде и всюду побеждают своих противников?! За несколько лет до Мировой Войны гостем инкогнито в одном из итальянских курортов, Ленин выступил перед кружком политических эмигрантов с небольшим рефератом на излюбленную тему о революции вообще и о возможности революции в Европе в ближайшее время. Возможность революции в России он условно признавал, но категорически исключал возможность прихода к власти социалистов "за неимением объективных условий" по Марксу. Зато особые надежды он возлагал именно на Италию: пролетариат количественно силен и воинственно настроен, буржуазия неизмеримо слабее германской и французской, дрябла, слабовольна, труслива и близорука. Итальянский парламентский строй является пародией английского. О серьезных парламентских традициях здесь и речи быть не может: парламентаризм был навязан Италии буржуазней в лице любящих либеральничать масонов, но в населении они корней не имеют. Зато этот оранжерейный парламентаризм вызвал почти всестороннюю атрофию монархической идеи и довел до предельного истощения и без того слабые силы итальянского национализма. При наличии таких условий итальянскому пролетариату не будет особо затруднительным свергнуть власть буржуазии и осуществить мечту о диктатуре пролетариата. Но окажется ли эта диктатуру продолжительной, пустит ли она глубокие корни, сказать трудно. Все будет зависеть, конечно, от того, распространится ли революционное движение и в других странах, и найдет ли итальянский пролетариат солидную поддержку пролетариату других стран. Таков был тогда диагноз Ленина по Марксу, единственным истолкователем которого Ленин себя считал. К этому мы еще вернемся. А теперь посмотрим на тогда же высказанное Лениным мнение о шансах борьбы между социалистами вообще и буржуазией, или, как Ленин тогда говорил; "буржуазной демократией". По его словам, положение рисуется в таком виде: Собственные силы социалистов во всем мире, за исключением Германии, конечно, ничтожны количественно, да не очень велики и качественно. Их нельзя и сравнивать с силами "буржуазной демократии", которая, если бы только пожелала, всегда могла бы социалистов разгромить и вытравить, как в 1871 году во Франции были разгромлены и вытравлены неосторожные коммунары. Но теперь нет оснований опасаться такого катастрофического исхода борьбы, и вот почему именно: "буржуазная демократия", сама пришедшая ко владычеству над миром путем революционной борьбы с феодализмом и автократией, забила себе в голову идиотски наивную идею, что, дескать, у "демократии врагов слева нет и быть не может, а могут быть и имеются только враги справа." Психология буржуазной демократии, сложившаяся в период борьбы с феодализмом, страдает слабостью зрения и неумением улавливать революционные обстановки: за XIX век вырос и выкристаллизовался социализм, являющийся новой революционной по существу силой. Вот, этот-то новый фактор и не вошел в сознание буржуазной демократии, которая, по своей близорукости, граничащей со слепотой, не видит грозящей ей теперь слева, то есть, от социалистов, опасности, и не замечает ни характера, ни форм этой опасности. Таким образом, в борьбу

между "буржуями" и социалистами на стороне последних имеется весьма важное преимущество: социалисты отлично знают, с кем им приходится иметь дело, а их противники, в сущности, ничего не знают, и потому проявляют всестороннюю беспечность. Во-вторых, - буржуазная демократия, которая для собственной защиты от реакции справа выковала тяжелую броню демократического парламентаризма, не предусмотрела того, что эта броня совершенно не предохраняет ее громоздкого тела от ударов слева. Затем, оказавшись победительницей, она уселась на завоеванном месте, и всю свою тактику строит на защите от нападения, никогда не переходя к нападению. А по старой милитаристской теории, блестяще разработанной Наполеоном, "кто только защищается, тот обречен на гибель". Буржуазия только защищается, да и то плохо, вяло, слепо. Социалисты нападают. Значит, они победят. Но на стороне социалистов имеется еще один важный шанс: в борьбе они ни перед чем не останавливаются, считают всякое средство хорошим, пользуются всяким оружием, и, в первую голову, совершенно не считаются с, так называемой, "законностью" и с пресловутыми "гуманными началами". Один из присутствовавших при этой беседе с Лениным русских эмигрантов, позже погибший на французском фронте и своей смертью искупивший свою вину перед Россией, задал Ленину следующий вопрос: - А что будет, если буржуазная демократия проснется, откроет глаза, увидит опасность, поймет ее размеры, и сама вступит в борьбу? - Возможность этого почти исключается. Мало-мальски серьезная опасность будет грозить нам, социалистам, в том только случае, если по каким-либо причинам в странах высшей культуры произойдет вспышка духа национализма, и если на сторону националистически настроенной буржуазии перебегут из нашего революционного лагеря какие-нибудь видные политические деятели. - А что будет тогда? - Чтобы бороться с нами, социалистами, нужно, во-первых, отлично знать нас, знать все наши планы, нашу тактику, наши силы, наши уловки, наши слабые стороны, - то есть, быть одним из нас. А во-вторых, абсолютно необходимо, конечно, чтобы тот, кто решится вступить в открытую борьбу с нами, в основу своей деятельности положил следующую простую идею - для борьбы с революционным движением нужно действовать революционными же средствами, применяя революционную тактику. Иными словами, чтобы бороться с нами, надо действовать точно так же, как действуем мы, социалисты: против террора - еще больший террор, против насилия - двойное и тройное насилие, против беззакония еще большее беззаконие, - по единственному признаваемому нами принципу "цель оправдывает средства". Но вот, на это-то буржуазная демократия и неспособна, ибо она сама себя загипнотизировала термином "демократичность", создала себе из этого термина кумир и не смеет поднимать руки на. что-либо, на чем наклеена, пусть и обманным образом, этикетка "демократичности". Горе буржуазной демократии вот в чем: ее судьбы находятся в руках законников, юристов, краснобаев адвокатского сословия, одержимых страстью разбираться в юридических тонкостях с каким то садическим сладострастием. Когда назревает необходимость молниеносно действовать, - адвокат начинает с того, что принимается составлять конспект чудесной речи, которую он произнесет по данному случаю, и углубляется в подбирание всевозможных цитат для подкрепления своего мнения. Но стоит ему произнести свою блестящую речь, как находится десять других таких же речистых господчиков, и каждый из них требует, чтобы и ему дали возможность произнести столь же блестящую речь, пересыпанную цитатами. Затем выясняется необходимость подвести юридические основы под предложенную программу действий. Потом выясняется необходимость выработать строго юридические инструкции для того, кому будет поручено действовать. И пошла писать губерния... С таким порядком, конечно, далеко не уедешь в деле борьбы с революционными течениями. Говоря все это, Ленин упускал из виду, что в Италии тех дней уже начинало развиваться националистическое движение, и не предвидел возможности ухода из социалистического лагеря одного из самых талантливых итальянских социалистов, молодого Бенито Муссолини, тогда еще целиком находившегося под влиянием Анжелики Балабановой и Филиппе Турати. Помните старую басню Крылова о крестьянине, медведе и работнике? "Крестьянин ахнуть не успел, как на него медведь насел". И этому "крестьянину" пришел бы карачун, если бы не вступился догадливый работник, который, рискуя собственной жизнью, расправился с медведем и спас уже полузадушенного хозяина. Но тот, едва выкарабкавшись из-под медведя, напустился на своего спасителя: - Чему обрадовался сдуру?! Знай колет! Всю испортил шкуру! Нечто подобное произошло с фашистами в Италии: что они спасли страну от чудовищной катастрофы, в этом нет ни малейших сомнений. Но как только фашизм поднял на свою рогатину наседавшего на Италию социалистического медведя, едва избавившееся от смертельной опасности буржуазное общество принялось высказывать свое сугубое недовольство тем обстоятельством, что фашисты, дескать, "попортили шкуру" туземного социализма. Нашлись добрые люди,

которые не постеснялись тут же выступить с заявлением, что социализм, дескать, и не думал быть страшным медведем, что мало-мальски серьезной опасности для страны он никогда не представлял, что поднимать его на рогатину вовсе не следовало. Словом, нашлось очень немало охотников посадить фашизм на скамью подсудимых и судить его за его расправу с социалистами, как за ужасное преступление. "Хозяин" из крыловской басни попрекал спасшего его работника только за "порчу шкуры медведя", а итальянский буржуазный "хозяин" шел и дальше, и набрасывался на фашистов с обвинением в том, что они, дескать, расправились с искренним другом и приятелем "хозяина", а вовсе не с его врагом... Так было. Так будет. Ибо неблагодарность - одно из основных свойств человеческой психологии, как индивидуальной, так и коллективной. Но считаю абсолютно необходимым развернуть перед глазами читателя ленту жизни Италии за последние десятилетия и привлечь его внимание к тем именно картинам из жизни этой страны, которые нам русским, остаются и до сих пор неведомыми. Без этого, увы, никак не поймешь творившегося здесь и творящегося и сейчас. Добавлю еще, берясь за рассказ, я твердо намерен как можно меньше прибегать к иным "источникам", кроме непосредственных наблюдений над жизнью итальянского общества на протяжении добрых двух десятилетий и личного знакомства с большинством политических деятелей левого и крайне левого лагеря Италии. Поселившись в Италии в 1907 году, я знал об этой стране только то, что заключается в "хороших книжках", то есть, ничего, в сущности, не знал, и все то, что находил в "хороших книжках", наивно принимал на веру. Но непосредственные наблюдения над жизнью скоро натолкнули меня на ряд непримиримых противоречий между тезисами "хороших книжек" и повседневными фактами буквально на каждом шагу. Между прочим, - именно тогда же, на первых порах пребывания в стране радикальнейшей конституции и строгого парламентского строя, я впервые услышал ошеломляющее меня заявления людей, в компетентности и авторитетности которых не имел основания сомневаться. - Парламентская система изгнивает. Формальный демократизм оказался совершенно бездушным. Политическая жизнь, настроенная на демократических принципах, попала в бездонное болото. Либерализм и радикализм оказались бессильными в деле разрешения важнейших, существеннейших вопросов, единственных, живо интересующих не профессиональных политиканов, а всю огромную массу населения. Нынешний государственный строй быстро сползает в пропасть полного и всестороннего банкротства. Если наступит какая-нибудь катастрофа, в массе населения не найдется охотников защищать этот строй, который так и не сумел сделаться действительно народным. Население еще не знает, где и в чем выход, но оно инстинктом сознает, что в рамках ныне существующего строя спасения не найти, ибо там нет живых и творческих сил. Дедушка Крылов не поведал нам, как отнесся к нападкам неблагодарного "хозяина" его спаситель. Что же касается итальянских фашистов, то они, подвергнувшись нападкам, имели достаточно благоразумия не только не обратить на них внимания, но и больше - нашли в себе мужество сердито цыкнуть на неблагодарное общество и показать ему крепкий кулак. Больше того: они поняли, что если они сконфузятся и устранятся от власти, - то же "общество", проявляющее черную неблагодарность, дряблое, безвольное, трусливое и близорукое, - снова станет жертвой социалистов. Но этого, ведь мало: социалисты "умнее" общества, и они умеют пользоваться "предметными уроками", а потому они постараются немедленно расправиться с фашистами, не щадя ни старого, ни малого. И, вот, мы видим следующую картину: Муссолини, у которого в период фашистского движения, по всем признакам, вовсе не было намерения завладеть властью в пользу созданной им партии, и который самым искренним образом вплоть до знаменитого "похода на Рим" был готов верою и правдою служить власти, лишь бы эта власть очнулась и принялась за деятельную и разумную защиту страны от напора социалистов и их союзников, - Муссолини понял, что на нем лежит долг взять власть и удержать ее в своих руках. Враги Муссолини теперь упорно твердят, что он дескать, "почувствовал вкус ко власти", сделавшись господином положения, и только потому за эту власть и цепляется, хотя, дескать, в создавшихся после переломного 1922 года условиях, его пребывание у власти не находит себе оправданий. Я смотрю на этот вопрос совершенно иначе. По моему искреннему убеждению, тут речь идет вовсе не о "вкусе ко власти", - а исключительно в сознании долга. Мир все еще переживает тяжелые времена. Италия всеми нитями своего существования связана со всеми остальными странами. От грозной опасности заражения ядами злой революционности она и сейчас не гарантирована. Ей продолжает грозить опасность стать объектом социалистических экспериментов. Общие условия таковы, что всякая попытка устроить здесь пресловутую "советскую систему" с "диктатурой пролетариата" грозит стране еще большими и более ужасными последствиями, чем это было в России. Буржуазная демократия, фрондирующая против фашистского режима, ничуть не изменилась: она осталась такой же

дряблой, безвольной, трусливой и до ужаса бездарной, какой и была раньше. Если фашисты с Муссолини во главе откажутся от власти в пользу этой буржуазной демократии, - неизбежным и неотвратимым явится восстановление того же чудовищного порядка, который наблюдался тут в революционный период 1919-1922 годов. Но тогда царила анархия, неудержимо быстро разорявшая страну и губившая ее население. И эта анархия автоматически вела к господству не столько социалистов, как таковых, сколько к господству черни, а вместе с тем и к кровавому господству III Интернационала. То есть, к гибели Италии во славу коммунистического Молоха. Имею смелость утверждать на основании двадцатилетних наблюдений над жизнью современной Италии и посильно доступного мне знания местных условий, что в ныне существующих условиях отказ Муссолини и фашистов от власти был бы равносилен измене и предательству по отношению к Нации. Но Муссолини на это не пойдет, - и он совершенно прав.

* * *

Когда начинаешь говорить о фашизме, как мировом явлении, оказывается совершенно необходимым уделить серьезной внимание его генезису и его так сказать биологии. Без этого трудно, пожалуй, просто невозможно понять, что же такое "фашизм", какими путями он идет, или вернее сказать, какие пути он сам для себя в мире прокладывает, что он уже дает миру, и что обещает дать. Но генезис фашизма и его биология делаются доступными нашему пониманию и нашему изучению только в том случае если мы обратимся к стране, в которой это великое движений зародилось, и к людям, или вернее сказать - к человеку, в голове которого зародилась и выкристаллизовалась первоначальная идея фашизма - то есть, к Италии и к Муссолини. Пусть мой читатель не пугается: у меня нет и малейшего желания тащить его с собою в дебри истории современной Италии, и "забивать" его хронологическими датами и именами, которые он, читатель, сейчас же забудет. Поставьте себя в мое положение: мне, среднему русском интеллигенту, десятилетиями твердили, подсовывая "хорошие книжки", что Россия погибнет, если только "передовым элементам общества" не удастся заставить Монархию ввести парламентский строй по всесовершеннейшему английскому образцу, если весь административный аппарат не будет перестроен на ультрадемократических началах, если не будет предоставлена полная свобода существовать и действовать всем решительно политическим партиям, если населению не будет предоставлена возможность "высказаться свободно по всем решительно государственным и общественным вопросам с парламентской трибуны", если власть исполнительная не будет окончательно поставлена под контроль "избранников народа". И, вот, я попадаю в страну, в которой все эти "блага" существуют издавна, - и в этой стране знающие и авторитетные люди заявляют, что парламентская система изгнивает, что демократические принципы оказались по существу обанкротившимися, что основная масса населения всесторонне равнодушна к "палладиуму свободы", жизнь попала в бездонную трясину, строй сползает в пропасть... - Но отчего же, ради всех святых?! А мне говорят: - Теории расходятся с живой жизнью! В 1910 году, в Венеции, на нашумевшем процессе Тарновской, Наумова и Прилукова по обвинению в убийстве графа Комаровского, я познакомился с молодым итальянским политическим писателем Ст-гари, со всем пылом своего южного темперамента отдавшимся проповеди социалистической доктрины на севере Италии. Это был человек кристальной честности и искренности. Как социалист, - он был фанатиком идеи. Кстати сказать, - несколько лет спустя, накануне Мировой Войны, Ст-гари, разочаровавшись в социализме, кончил самоубийством, решив, что "жить не стоит". Как-то раз мне пришлось заговорить с ним на интересующие меня темы, и от него я услышал следующее поразившее меня заявление: - В Италии существуют и действуют, ведя борьбу на смерть две силы, заслуживающие этого имени. Это - масонство и католичество. - А социализм? - Социализм не есть сила в положительном смысле. Это есть бессилие двух первых сил. Может быть, со временем и он сделается могучей живой силой. Но сейчас это только паразит, существующий и питающийся крохами, падающими со стола масонства и католицизма. Может быть, со временем наш социализм займет иное положение, но сейчас - это только собачка, напялившая на себя шкуру тигра и вертящаяся вокруг двух настоящих бойцов, чтобы подбирать падающие на землю куски их мяса в яростной драке. Если бы буржуазное общество сумело договориться с католичеством, - ибо борьба между ними является абсурдом в наши дни, - то социализм развеялся бы, как дым. Но в том-то и дело, что власть над буржуазным обществом захвачена масонством, добивающимся гибели католичества, да и не одного католичества, а всякой религии, и в первую голову - христианства, - масонство не позволит буржуазии сговориться с католичеством. А в результате происходит следующее: масонство не только

просто терпит нас, социалистов, исповедующих чистейший материализм, но и подкармливает нас, поддерживает, в надежде на то, что мы загрызаем христианство, не тронув масонства. И поэтому масонство заставляет и буржуазию видеть в нас не врагов, смертельных врагов буржуазии, какими мы действительно являемся, - а "попутчиков" и даже "полезных союзников". Ради того, чтобы мы могли загрызть христианство, руководимая масонами буржуазия охотно прощает нам все наши "маленький эксцентричности", и закрывает глаза на то обстоятельство, что нашей официально объявленной программой является - перерезать горло буржуазии, вспороть ей брюхо, выдавить кишки... Да, вероятно, и у вас в России идет тот же самый процесс, но только там борьба между христианством и масонством имеет несколько иную чисто внешнюю форму: масонство стремится сокрушить монархический строй, и только тогда, когда справится с ним, приступит к борьбе с христианством. Но социалистам отводится та же роль "загрызателя" одного из борцов в пользу другого, то есть, в пользу масонства. А потом масонство, конечно, постарается придушить социалистического пса, напялившего на себя шкуру тигра. Если только к тому времени пес не сделается и впрямь настоящим тигром, умеющим постоять за себя.

* * *

По официальным данным, за период с 1905 по 1915 год, когда Италия вступила в войну на стороне Антанты, - число зарегистрированных членов итальянской социалистической партии никогда не превышало 35.000 человек, а бывали годы, когда в партии числилось значительно меньше. Если вы вспомните, что население Италии тогда исчислялось приблизительно в 37 миллионов человек, - то вы увидите, что в ту эпоху один социалист приходился, в среднем, на 1.200 обитателей. Но, ведь это же величина, близкая к нулю! Положим, итальянские социалисты пользовались поддержкой профессиональных союзов и синдикатов, - но эта поддержка была весьма условной и ограниченной, ибо у большинства членов союзов и синдикатов не проявлялось охоты вступить на революционный путь. Исключительно важным обстоятельством надо признать следующее: среди итальянской учащейся молодежи и вообще среди интеллигенции социалистов было совершенно ничтожное количество. В то время, как в России рядовой студент "стыдился не быть социалистом", а рядовой интеллигент "стыдился не сочувствовать революции", - в Италии вся интеллигенция и почти вся сплошь учащаяся молодежь были насквозь пропитаны чисто буржуазным духом. А отсюда и другой интересный феномен: итальянская социалистическая партия всегда, на всем протяжении своего существования, была до ужаса бедна хоть сколько-нибудь культурными людьми. Даже для обслуживания нужд центральной организации и ее официального органа "Аванти!" - у этой партии не хватало мало-мальски образованных людей, и за все время своего существования, эта партия так и не ухитрилась выдвинуть хотя бы единого собственного теоретика, который хоть сколько-нибудь мог бы потягаться с Каутским, Бернштейном, Плехановым и Лениным. Для характеристики положения итальянской социалистической партии накануне Мировой Войны достаточно привести следующий факт: нужды партии не обслуживались ни единым ежемесячником или еженедельником. Кроме до ужаса убогих листков, печатавшихся в ничтожном количестве и без малейшей регулярности некоторыми провинциальными организациями, да вышеуказанного "Аванти!" - у партии не было своих органов печати. Жизнь "Аванти!" поддерживалась искусственно: несмотря на полную свободу печати, - у "Аванти!" было так мало читателей, что и эта газета безудержно хирела. В населении проявлялось столь глубокое равнодушие к голосу социалистической партии, что года за полтора до начала Мироны Войны издательство "Аванти!" дошло до форменной финансовой катастрофы. Партии пришлось бы прекратить выпуск газеты, если бы на помощь не пришли германские социалисты, которые снабдили итальянских "товарищей" несколькими сотнями тысяч лир. Словом, - это было форменным банкротством всей социалистической партии. Тем не менее, в парламентской жизни Италии социалистическая партия играла известную роль и ее значение непрерывно увеличивалось, не соответствуя силам и значению самой партии. Тут обнаруживалось влияние общего для всех стран с демократическими институциями и с парламентским строем феномена: в то время, как за кандидатов буржуазных партий на выборах голосуют только их партийные соратники, - за кандидатов социалистов в массе голосуют не социалисты и даже "антисоциалисты". Отчасти тут сказывается ядовитое действие демагогизма, этого главного конька социалистов, а больше - строптивость бесцветной в политическом отношении обывательской массы, которая в каждом противнике существующей власти готова видеть приятеля и союзника. Зажиточный крестьянин и средней руки торговец недовольны налогами. Гимназический учитель ворчит на слишком мизерную оплату труда педагогов.

Мелкий чиновник злится на придирчивое начальство. И все трое на политических выборах отдают свои голоса кандидатам заведомо революционных партий: - До революции дело не дойдет, да я революции и не желаю. А вот пускай эти молодцы наше начальство прижмут! Авось, мне легче будет! Идиотство? Да! Но, ведь, этим идиотством заражены массы во всем мире! В итальянский парламент социалисты проникли еще в конце XIX века, но в совершенно ничтожном количестве, и вплоть до эпохи Мировой Войны парламентская группа депутатов социалистов не отличалась многолюдством. Но сам-то итальянский парламент, с тех пор, как масонству удалось сломить правых консерваторов и создать прочное большинство "левых", то есть, либералов и радикалов, - вступил в полосу загнивания и разложения. Накануне Мировой Войны официально считалось, что 508 депутатов разбиваются на 15 или 16 отдельных партий. Кроме того, в каждой партии имелись еще фракции и "группы". Какая речь может быть о создании прочного парламентского большинства при таком обилии партий, беспрерывно грызущихся в яростной склоке? Добавьте еще, что в очень многих случаях не было физической возможности определить, какое программное отличие, в чем принципиальная разница между партией "А" и партией "В", между фракцией "С" и группой "К". Да разногласий по существу и не было: эти мелкие "партии и "группы" были не столько "политическими", сколько "личными", - в одной партии - партизаны крупного дельца Икса, в другой - его конкурента Игрека. Но непомерное обилие партий и групп приводило к тому, что девять десятых времени и девяносто пять сотых энергии парламентских деятелей всех оттенков и всех марок тратились на межпартийную или на межгрупповую грызню, на вечное подсиживание друг друга, на организацию отвратительных по своему цинизму закулисных "комбинаций", то есть, беспардонных интриг. О деловой работе Парламента в Италии не может быть и речи: она прекратилась добрых тридцать лет назад, и Парламент, действительно, превратился в гигантскую говорильню. К этому необходимо добавить, что партийная пестрота механически приводила к перманентному министерскому кризису: едва новое министерство, будто бы являющееся эманацией большинства, успело конституироваться, едва новоизбранные министры стали приглядываться к делу, за которое взялись, назрел новый кризис, где-то за кулисами создалась новая комбинация беспринципных дельцов, и искусно подведенная мина взрывает министерство. На его место садится новое, чтобы в свою очередь, свалиться через несколько месяцев. Если вы возьмете списки побывавших в Италии за последние сорок лет на министерских постах людей, с отметкой об их цензе, вас поразит следующее обстоятельство: девять десятых министров адвокаты. Министр путей сообщения - не инженер, а адвокат. Министр почт и телеграфов - не техник, а адвокат. Министр народною просвещения - не ученый, не профессор, не педагог, а опять-таки адвокат. И министр колоний - тоже адвокат... Среди парламентских депутатов всегда можно было найти в достаточном количестве компетентных и авторитетных работников по всем отраслям государственного хозяйства, ценных знатоков всех важнейших вопросов, касающихся интересов страны. Но посмотрите, как редко такие люди попадали в министры! В теории, парламентский депутат "служит не своим избирателям", а "своей стране". На практике - образовался значительный контингент "депутатов по профессии", совершенно беспринципных гешефтмахеров, являвшихся не "избранниками народа", а ставленниками влиятельных групп крупных дельцов. Для такого профессионального парламентского дельца главной заботой является обеспечить за собой мандат и на следующих выборах, - а отсюда полная зависимость депутата от влиятельных групп избирателей и связанный с этим сервилизм. На моих глазах происходил прелюбопытный и заслуживающий самого серьезного внимания феномен в то время, как в Италии, пусть хоть и медленно, но постоянно падал процент неграмотных, значит, поднимался уровень культуры, в Парламенте шло обратное, среди депутатов систематически уменьшалось количество с высшим образованием и специальными знаниями. Их места занимались еле-еле грамотными депутатами - ставленниками социалистической партии или левого, тоже социалистическим духом проникнутого крыла воинствующих клерикалов. Параллельно с этим несомненным понижением культурного уровня, падали, грубели нравы. С каждым годом учащались перепалки между представителями разных партий. Позже дело стало доходить и до форменных потасовок, да еще каких?! Последний период с конца 1918 года и до прихода фашистов ко власти, - творилось нечто невообразимое. Если вы заглянете в газетные отчеты о парламентских заседаниях тех дней, то наткнетесь на следующие рассказы: - Сегодня заседание началось обменом ругательств между депутатом А. и депутатом Н. К обменивавшимися многоэтажными ругательствами ораторам стали присоединяться их партийные соратники. Потом депутат М. дал по уху депутату Л., а депутат К. схватил за бороду депутата С. Впрочем, драка шла не больше четверти часа. - Сегодня страсти разгорелись сразу, и депутаты А., В. и С. дружной ратью кинулись на

депутатов О. и Р., а потом вмешались и другие. Драка шла, с двумя перерывами, больше получаса. Борода депутата Д. жестоко пострадала, а депутата Е. выволокли из свалки в обморочном состоянии. - Сегодня до перерыва дело шло мирно, если не считать обмена ругательствами, но после перерыва началась свалка, длившаяся три четверти часа. Депутаты бросали друг в друга книги и чернильницы. Депутат З..обладающий геркулесовой силой, чуть не убил депутата Х., бросившись на него с тяжелым креслом. Драка шла полтора часа. В парламентских отчетах тех дней вы найдете в изобилии отметки такого свойства: - В драке у депутата В. оторвали рукав пиджака, а у депутата Л. фалду и полбороды. Депутату Х. пришлось оказать медицинскую помощь. Лицо депутата А. уподобилось отбивной котлете. Нос депутата Т. превратился в подобие спелой сливы. Но о какой же продуктивной работе может быть речь в учреждении, в котором происходят такие дикие сцены? Но на какое же уважение со стороны населения может рассчитывать такое учреждение? Но каким же авторитетом в глазах населения может оно пользоваться, и в каких слоях населения может оно пользоваться, и в каких слоях населения может оно найти самоотверженных защитников в критический момент?! В теории, парламентский строй должен создать такой порядок, при котором "народные избранники" держат в своих руках строжайший контроль над государственной бюрократией. На практике - итальянская бюрократия на протяжении десятилетий была, собственно говоря, совершенно автономной и действующей бесконтрольно, ибо частая смена министерств - эта постоянная чехарда гоняющихся за портфелями маленьких честолюбцев, почти всегда совершенно невежественных в делах разных министерских учреждений, привела к тому, что контролировать работу столоначальников и делопроизводителей было решительно некому. Я далек от мысли сказать плохое об итальянской бюрократии: напротив, в ее рядах всегда имелось очень значительное количество ценных людей. И если уж на то пошло, то придется признать, что вся тяжесть государственной работы ложилась именно на плечи бюрократии. Но раз это так, - то зачем же тогда фикция мнимого "контроля" со стороны Парламента? Зачем формальности, только связывающие руки полезным работникам, убивающие дух инициативы, уничтожающая возможность творчества?! Позволю себе сослаться на авторитетное показание самого Муссолини: фашисты, придя к власти и принявшись разбираться в делах, обнаружили буквально десятки тысяч залежавшихся десятилетиями "дел" в разных министерствах. Их разрешение зависело от Парламента. Но Камере Депутатов на протяжении десятилетий не хватало времени для разрешения этих практических вопросов. Она была занята чем-то другим Чем именно? - Сегодня депутаты переругивались полтора часа, а дрались час с четвертью... Думаю, что я не преувеличу, если скажу, что уже в 1919 году, вся страна самым искренним образом презирала Парламент, и только по своей пассивности терпела существование этого обанкротившегося морально учреждения. В тот период, когда итальянский фашизм пришил в столкновение с местным масонством, а потом ввязался и в яростную борьбу с ним, в фашистской печати упорно выставлялось утверждение, что на протяжении последних сорока, а то и пятидесяти лет, Италией правили именно масоны. Может быть, тут допускается некоторое преувеличение. Но лично я склонен думать, что дело весьма близко к истине. На моей памяти не было ни единого министерства, в котором масоны не составляли бы определенного большинства, я помню и такие министерские кабинеты, которые состояли сплошь из масонов. На протяжении добрых тридцати пяти лет, с 1880 года и по 1915 год, в политической жизни Италии играл исключительно важную роль великий специалист по части парламентских комбинаций и интриг Джованни Джолитти. Является ли Джолитти масоном и одним из игровых главарей масонства, как уверяют слухи итальянского происхождения, - я не знаю. Документальных доказательств нет. Но существование связи Джолитти с масонством на всем протяжении его государственной деятельности бросается в глаза даже самому поверхностному наблюдателю итальянской жизни. Не боясь впасть в ошибку, можно сказать, что Джолитти десятилетиями действовал в полном согласии с масонством. Политика масонства, как мы знаем, строилась на том, что социалисты не только терпелись, но даже больше - поощрялись. Во всяком случае, все парламентские правительства после шумного падения кабинета генерала Пэлу, сторонника репрессий по отношению к заведомым революционерам в конце XIX века, знали только одну тактику по отношению к социалистам: это была тактика уступок и уступок. Социалисты систематически шантажировали правительство, вымогая у него всяческие поблажки, и всегда добивались своей цели. Народные низы весьма скоро разглядели эту тактику власти, и поторопились использовать ее в своих целях. Им было достаточно согласиться плыть за социалистами на буксире, да поддерживать социалистов на выборах.

* * *

Торжественное признание легальности и потому полной ненаказуемости организаторов и участников самых диких забастовок, даже таких, которые носят определенно революционный характер, привело к тому, что итальянские социалисты возвели забастовки в культ. Под крылом у социалистической партии выросли кадры особых социалистов по части организации забастовок. Забастовки следовали одна за другой, систематически разоряя нацию. Ни о какой-либо репрессивной борьбе с ними не могло быть и речи даже тогда, когда они сопровождались всяческими эксцессами. Если, бывало, социалистам удавалось вызвать какую-нибудь вспышку революционного характера, а правительству и свою очередь удавалось не дать этой вспышке разлиться огромным пожаром, - все организаторы и участники движения могли быть совершенно спокойными за собственную участь, ибо только в самом крайнем случае им приходилось подождать некоторое время, покуда правительство объявит общую амнистию "в целях умиротворения". Но эта политика привела, естественно, к тому, что в страну образовался известный кадр своего рода спортсменов от революции, чувствующих себя гарантированными от мало-мальски серьезных неприятностей, сознающих собственную безнаказанность. А отсюда, конечно, и великий соблазн для всех решительно буйных антигосударственных и антиобщественных элементов в населении, а в таких элемента недостатка нет нигде... Даже совершенно поверхностные наблюдения над жизнью Италии начала XX века показывали, что при установившемся порядке вещей и пассивности власти - беспрепятственно растет чудовищно опасный слой профессиональных преступников, прикрывающихся мнимой политической идейностью и записывающихся в ряды левых социалистов и особенно анархистов. Систематическое применение принципа индивидуальной ответственности за деяния, совершаемые в соответствии с партийной программой и служащие, в общем коллективным партийным целям, привело к тому, что низы общества охвачены глубочайшим моральным разложением. Попустительство власти явно развращало наихудшие элементы населения, внушая им идею безнаказанности, и в то же время действовало угнетающе и на психику законопослушных элементов общества, внушая этим элементам убеждение в наличии какого-то органического недуга всей государственной системы, выражающегося в отказе власти от борьбы с крайними левыми элементами. Однако, к 1910 году стала намечаться какая-то реакция в самом обществе. Словно заговорило оскорбляемое слишком долго национальное самолюбие, словно вспыхнул отказывающийся безропотно переносить обиды бессмертный патриотизм. В 1911 году Джолитти, затеяв войну с Турцией с целью завладения двумя последними оставшимися в распоряжении турок вилайетами в Африке, нашел достаточную поддержку проснувшегося национализма. Влияние националистов позволило правительству парализовать отрицательное влияние социалистов. Затем, под влиянием тревожных событий, определенно предвещавших грандиозную войну, националистическая тенденция в Италии начала поразительно быстро развиваться. В Камере Депутатов появилась достаточно мощная группа "националистов". Это было симптомом резко меняющегося в сторону национализма настроения если не всей народной массы, то, во всяком случае, тех слоев буржуазии, которым в жизни страны принадлежит руководящая роль. Осенью 1914 года был принципиально решен вопрос об участии Италии в Мировой Войне. Вступление только откладывалось на некоторое время, абсолютно необходимое для подготовки сил и средств борьбы. К этому времени относится резкий раскол в итальянской социалистической партии: скромное количественное меньшинство стало за войну, применяя принцип "сначала нация, а уж потом партийность". Большинство же, с депутатами Тревэсом и Филиппе Турати во главе, заняло мнимо-нейтральную на самом деле германофильскую позицию. Хотя Дирекция социалистической партии "с негодованием" отказалась от предложенных ей германскими социалистами, то есть, Германским Главным Штабом, огромных сумм "на организацию пропаганды в пользу мира", - налицо имеются все признаки массового подкупа членов социалистических организаций германскими и австрийскими агентами. Когда, несмотря на отчаянное сопротивление местных германофилов, правительство (министерство консерватора Саландры) вступило в войну, социалисты принялись развивать бешеную пораженческую пропаганду. Разгорался итальянский патриотизм, но параллельно развивалась и росла разрушительная работа антинациональных элементов. Тяжесть жертв в кровавой борьбе с грозными врагами вызвала известную реакцию в настроениях населения, а эта реакция привела к тому, что в Камере Депутатов проявилось своеобразное полевение. Консерватор Саландра, монархист чистой воды, оказался вынужденным уступить место слабовольному либералу Боззелли. Но и тот не удержался надолго у власти и уступил министерский пост радикалу Орландо, который являлся подставным лицом спрятавшегося за кулисами германофила Джолитти и агентом масонства. В начале 1917 года, как только произошла в России революция, - в Италии стало твориться нечто весьма странное: социалистической печати, оказавшейся до того времени под суровым

контролем цензуры военного времени, была предоставлена сначала относительная, а позже, к 1918 году, и почти безграничная свобода в деле пользования материалом, касающимся хода событий в России. Социалисты не замедлили широко воспользоваться этим странным попустительством со стороны власти для проведения имевшей резко определенный, чисто революционный характер кампании. Под видом простой информации о ходе дел в России, "Аванти!" стал систематически проводить восхваление деяний большевиков и проповедь идеи необходимости и полной возможности для итальянского "сознательного пролетариата" последовать прекрасному примеру "русских товарищей". На что рассчитывало итальянское правительство тех лет, допуская эту яростную апологию большевизма, - я не знаю. Но результаты неосторожного попустительства не замедлили сказаться в поразительно быстром и буйном росте революционных настроений в низах народной массы. Местные социалисты создавали и в Италии культ Ленина, - радикальное правительство, словно ослепшее и оглохшее, ничего не предпринимало для прекращения явно изменнической и предательской агитации социалистов. Вслед за победоносным для Италии окончанием Мировой Войны в этой стране стало твориться нечто чрезвычайно странное. Казалось бы, благополучный исход борьбы с вековым, историческим врагом, с хищной Австрией, всеми здесь страстно ненавидимой, должен был привести к бурной вспышке патриотического чувства. Имелись все психологические основания для всеобщего энтузиазма: пусть победа досталась и очень дорогой ценой, но какая грандиозная победа, и с какими колоссальными положительными результатами во всех отношениях?! Ведь, гибель Австро-Венгерской Империи, ее разложение на составные части, "балканизация" колоссальной территории погибшей Империи, веками угнетавшей Италию, - она выдвигала победившую Италию на одно из первых мест в Европе и открывала ей почти фантастические возможности дальнейшего развития. Тяжкими, очень тяжкими были материальные жертвы, принесенные Италией ради достижения победы. Но, ведь, ни единый из действительно жизненных центров на ее территории не пострадал непосредственно от военных действий. Если за годы войны Италия потеряла около 800 тысяч человек убитыми и умершими от ран, то, ведь, в этой стране с очень высокой рождаемостью и сравнительно невысокой смертностью до войны ежегодно образовывался излишек населения по меньшей мере в 250-300 тысяч человек. Из Италии ежегодно уходило в заокеанскую эмиграцию, в среднем, около 300 тысяч человек. Это означает, что "расход людского материала" за время войны только поглотил "излишки населения". Наконец, героическое поведение всего населения во врем я войны, даже во дни жесточайших испытаний, даже вслед за военными катастрофами, которые регулярно вызывали в стране не упадок духа, а ожесточение и волю биться до конца, - это должно было привести к тому, что Италия увенчав свое чело лавровым венком и облачившись в светлые ризы, примется праздновать свою победу, а потом с энтузиазмом возьмется за привычную творческую деятельность, сугубо необходимую, принимая во внимание естественное экономическое истощение. Но не тут-то было, вслед за заключением мира в Италии началось революционное движение, которое проявило тенденцию разгораться все больше и больше. И пришел период, когда можно было думать, что стране предстоит сгореть в пламени гигантского пожарища, подобно российскому. Чем же объяснить такой оборот дел? Разумеется, тут влияли многие факторы, как экономические так и психологические. Населению надоело жить, ограничивая из-за оскудения свои потребности. Потрясения, испытанные в о дни войны, расхлябали государственную машину, и расхлябали психологию масс. Многие надежды Италии не осуществились. Так, например, ее территориальное расширение далеко не соответствовало принесенным ею жертвам. Италия не добилась права участвовать в дележе германских колоний. Союзники, так сказать, обсчитали ее. Кроме того, вслед за заключением мира наметилась опасность новых международных осложнений из-за дележа общей добычи, и простое благоразумие требовало отложить на некоторое время общую демобилизацию, а солдатская масса, безропотно сидевшая в траншеях, отказывалась мириться с необходимостью и после окончания войны сидеть в казармах. Но решающую роль, по моему непоколебимому убеждению, тут сыграло следующее обстоятельство: вслед за заключением мира, в полном согласии с архидемократической доктриной, механически вступили в силу все гарантированные радикальнейшей конституцией "права населения", то есть, в первую голову, права политических партий, не исключая и партий заведомо революционных. И социалистическая партия не замедлила воспользоваться этим для развития поистине бешеной революционной агитации, находившей, увы, благоприятную почву в общей обстановке. В массах населения имелся огромный запас смутного недовольства, которое могло рассеяться только по мере постепенного восстановления более или менее нормальных условий жизни, по мере залечивания хотя бы только важнейших ран, полученных во время войны. По существу, ближайший период следовавший за заключением формального мира,

относился еще целиком к "военному времени", ибо "мирное время" могло начаться только после того, как уляжется овладевшее массами возбуждение, как сама собой наладится обычная жизнь, прекратится общая разруха дней борьбы, затянутся раны пострадавшей экономической ткани, исчезнет общая тревога за завтрашний день, мало-помалу прекратится влияние так называемого "психоза военного времени". Но с точки зрения чисто формальной - раз мир подписан, значит, все кончено, и можно вернуться к обычным формам жизни. Социалисты Италии с дьявольским умением и с нечеловеческой настойчивостью использовали в своих выгодах это явное недоразумение, и, получив полную свободу действий, принялись поджигать Италию со всех сторон, не встречая отпора со стороны власти. Если вы к сказанному добавите, что между итальянскими социалистами и их пришедшими в России к власти товарищами в лице большевиков существовала теснейшая связь, и что в тот период, опасаясь иностранной интервенции, грозившей им гибелью, и располагая еще чуть только тронутыми, почти фантастическими богатствами России, большевики могли тратить, не стесняясь, и десятки, и сотни миллионов рублей золотом на раздувание революционного пожара в разных странах, - обща картина будет для нас достаточно ясной. История русско-итальянских отношении - очень и очен грустная история, и, к глубочайшему сожалении), в этой истории имеется много таких страниц, что у каждого русского, любящего свою родину, наполняется несказанной горечью сердце. Но ни место, ни обстоятельства не позволяют мне останавливаться на подробностях этого вопроса. Им, конечно, займутся в свое время новые поколения русских людей, - когда Россия возродится "в силе и славе своей"... Теперь же отмечу лишь самое существенное: Италия, исторически связанная с католической Польшей, к России или "Московии" относившаяся совершенно безразлично, около полутораста лет назад, со времени первого раздела Польши, стала смотреть на неудержимо, быстро выраставшую и развивавшую свои могучие силы Россию резко отрицательно. И в то время как со стороны России, в лице ее культурных классов, по отношению к Италии, этой колыбели современной европейской цивилизации культуры, проявилось детски наивное и трогательное обожание, со стороны Италии систематически проявлялось нескрываемое или чуть-чуть прикрытое корректностью недоброжелательство. Это недоброжелательство определенно сказалось еще во дни Восточной Войны 1852-1855 годов, - когда Италия в лице тогдашнего "королевства Сардинского" не уклонилась от участия в воевавшей с Россией коалиции, хотя самой-то Италии казалось бы, воевать с Россией не было ни малейшей надобности. Отмечу, кстати, факт, который и до сих пор остается всем русским совершенно неизвестным - решение вступить в войну с Россией и послать часть сардинской армии в Крым, под окровавленные стены Севастополя - это решение было принято Кавуром, главным образом, под давлением тогдашнего "Великого Магистра" итальянского масонства, богатейшего банкира из Ливорно... В 1863 году, в эпоху польского восстания, Италия деятельно готовилась к созданию новой антирусской коалиции, и Гарибальди набирал повсюду добровольцев для поддержки Польши В 1877-1878 году Италия опять готовилась вступить в войну против России на защиту Турции. В дни русско-японской войны в Италии каждое поражение России встречалось бурным ликованием. Гибель русского флота под Цусимой праздновалось здесь с энтузиазмом, словно собственная победа. Некоторое, но не столь значительное улучшение отношений между двумя государствами произошло лишь после 1907 года, когда многоопытный Соннино, мудрейший из итальянских руководителей иностранной политики, стал проводить идею, что в дружбе с Россией Италия выгадает больше, чем от вражды с нею. Пламенно сочувствуя Польше, Италия одновременно всегда сочувствовала и революционному движению в России, как движению, которое обещало помочь полному освобождению и возрождению Польши. Если в 1917 году, когда в России вспыхнула Революция, известия о ней не вызвали в Италии энтузиазма, - то исключительно изза опасения выбытия России из строя воюющих держав. Говорил инстинкт самосохранения... Но итальянское общественное мнение открыто сочувствовало всем успехам и всем завоеваниям "Великой Бескровной", и это сочувствие было перенесено и на большевиков, занявшихся углублением и расширением завоеваний. Вслед за окончанием Мировой Войны на первую очередь выдвинулся вопрос, что делать с большевиками, завладевшими властью в России. Англия и Франция склонялись к идее активной борьбы с засевшей в России разбойничьей шайкой. Италия сразу же отнеслась к этой идее отрицательно. Соннино, стоявший за интервенцию, не встретил сочувствия у своих соотечественников. Помощь, оказанная Италией "белому" движению, ограничилась тем, что на Мурманск были посланы два батальона берсальеров, но со строжайшим запрещением принимать участие в военных операциях, а тем итальянским "ирредентам", которые застряли в Сибири и охотно вступали в войска Колчака, - было предписано прекратить участие в борьбе с большевиками. Одновременно заработали тайные агенты обеих сторон - в

Италии, и большевиков. Засновали секретные "уполномоченные", ведя таинственные переговоры. На всех парах заработал великолепный служебный аппарат итальянского масонства, которое выставило такой тезис: Крушение большевиков будет означать восстановление монархического строя и возрождение пропитанной насквозь российским национализмом России, этой исторической покровительницы всех славян вообще, а балканцев в особенности. Значит, в наших интересах не губить большевиков, а поддерживать их всеми силами, средствами и способами. И эта всесторонняя поддержка, увы, была оказана. Я не затронул бы этого щекотливого пункта, если бы применение такой политики сочувствия и посильной поддержку большевиков осталось без серьезных последствий на ход дела в самой Италии. Но последствия были, и такого характера, что могли стать роковыми: большевистским агентам и их туземным союзникам, социалистам, была предоставлена неограниченная свобода по части чисто революционной агитации В руках агитаторов был очень большой козырь: возможность, восхваляя "чудесные достижения русских товарищей", то есть самым наглым образом обманывая и мороча доверчивую и невежественную массу, раздувать пламя социалистической революции и в пределах самой Италии. В те годы я был одним из редакторов большой и пользовавшейся известным влиянием римской "Эпохи", заведовал "славянским отделом", и дирекция предоставляла мне почти полную автономию по русскому вопросу. И, вот, тогда же меня поразило следующее явление: совершенно открыто большевистские агенты, и не только тайные, но и такие, имена которых бы ли всем известны, вливали в жилы итальянской обывательской массы лошадиные дозы страшного революционного яда и при этом действовали совершенно беспрепятственно. Отпора со стороны итальянской печати в ее целом не было. Даже официозные органы клерикальной партии, не говоря уже об органах либералов и консерваторов, проявляли совершенно не понятное для меня равнодушие, словно то, что творилось у всех на глазах, никого решительно здесь не касалось. А между тем - отрава действовала, и еще как!! Накануне окончания Мировой Войны, под влиянием репрессий, ряды социалистической партии жестоко поредели. Если не ошибаюсь, то дело дошло до того, что число зарегистрированных членов опустилось до 20.000 человек, и все партийные органы, кроме "Аванти!" - зачахли и угасли. А через год по окончанию войны в партии числилось без малого двести тысяч сочленов, и, кроме того, - она снова тащила на буксире почти трехмиллионную массу объединенных в профессиональные союзы и синдикаты рабочих разных отраслей промышленности. Малоземельные и безземельные крестьяне почти в полном составе вошли в организации, которые или называли себя социалистическими, или, не называясь так, были по существу социалистическими. Мир уголовных преступников, почуяв, где пахнет обильным пиршеством, весь шарахнулся в ряды социалистов или анархистов. Революционное движение покатилось по руслу злых и кровавых эксцессов. Совершенно разнузданная социалистическая печать изо дня в день взывала к вооруженному восстанию, ниспровержению существующего порядка, захвату власти и установлению диктатуры "сознательного" пролетариата. Особенно грозным симптомом было то, что революционные настроения заразили всех сплошь рабочих и большинство служащих транспортного дела: сотни тысяч железнодорожников и "портовых", не считая сделавшихся не просто "красными", а ярко-пунцовыми моряков, открыто готовились пойти под знаменем вооруженного восстания. Социалистическая печать тех дней самым серьезным образом настаивала на предании "народному суду" всех, являющихся повинными в том, что Италия приняла участие в Мировой Войне. Неустанная ядовитая пропаганда такого "привлечения к ответственности" привела к тому, что темная и буйная чернь стала набрасываться на "непосредственных виновников бойни" в лице офицеров, а потом и на всех тех участников войны, которые "осмеливались" носить заслуженные на полях сражения знаки отличия, медали и ордена "за храбрость" или за совершенные подвиги". Страсти разгорались, и кое-где чернь начинала уже набрасываться и на несчастных инвалидов - участников Мировой Войны. То, что мы здесь тогда переживали, теперь мне кажется каким-то кошмаром, сплошь сотканным из чудовищных нелепостей. Но, увы, это был не "страшный сон, а живая действительность... Правда, тех ужасов, которые творились в России, начиная февраля-марта 1917 года, - здесь не было, или "почти не было" ибо, ведь, и здесь были чудовищные по обстановке "политические" убийства, как в здании муниципалитета Болоньи, как в горном местечке Сарцано, как в миланском простонародном театре "Диана", как на улицах Турина, и пр., и пр. Но тут, к счастью, "эксцессы" не шли еще непрерывной полосой, а только спорадически "прорывались". К этим кровавым эксцессам мне еще придется вернуться, принимая во внимание абсолютную необходимость ставить их в связи с возникновением и ростом фашистского движение. Покуда же считаю необходимым остановить внимание моего читателя на имеющем большое значение в развитии революционного движения феномене забастовок революционною характера. Архи-либеральное

итальянское законодательство издавна узаконило забастовку, признав ее "совершенно легальным средством экономической борьбы". На протяжения десятилетий административная практика здесь строилась на. признании абсолютным тезиса, по которому "забастовочное движение касается только имеющих прямое к нему отношение то есть, предпринимателей и рабочих, и совершенно не касается государства, по крайней мере до тех пор, пока оное движение не сопровождается эксцессами и не грозит серьезным нарушением порядка". Загляните в российскую революционную литературу, познакомьтесь с записками многих "подпольщиков", там вы найдете циничные признания такого рода; социалисты еще во дни Лассаля поняли, что "забастовка, как таковая, является одним из наиболее удачных способов проведения в массы революционных идей и настроений". И там вы найдете и другое драгоценное признание забастовок, действительно "экономических" забастовок, действительно оправдываемых печальным положением рабочего класса, и, наконец, таких забастовок, которые не вредили бы обществу и государству в его целом, - мир, собственно говоря, не знает. А если такие "невинные забастовки" случайно и "выскакивают", - то ими социалисты совершенно не интересуются, покуда не представится возможность использовать даже самую невинную забастовку для нанесения удара существующему государственному и общественному строю. Таким образом, социалисты уже восемьдесят лет назад официально признали, что "забастовка является по существу революционным выступлением", и что "забастовка всегда служит орудием революции". Но, вот такой-то простой, всем бросающийся в глаза, всенародно объявленной и революционерами воспетой истины не захотела понять и не поняла "буржуазная демократия", пораженная какой-то органической слепотой, охваченная каким-то загадочным маразмом и параличом воли. Когда в Италии, вскоре после окончания Мировой Войны, началась полоса забастовок, сопровождавшихся и эксцессами, а к тому же всему населению отравлявших существование, революционных характер этого движения бросается в глаза. Но на робкие призывы общества о защите парламентское правительство меланхолически отвечало ссылкой на нелегальность не забастовок, ...а правительственного вмешательства. "Забастовка - частное дело"... Если мой читатель спросит меня, почему, взявшись излагать мои "Мысли о фашизме", я столько внимания уделяю материалу общего характера на это отвечу вот как: - Фашизм вовсе не родился в готовом виде, как по классической легенде Афина Паллада или Минерва родилась во все оружии из головы Зевса-Юпитера... Фашизм, раньше чем принять форму строго определенной идеи, раньше, чем сделаться политической и экономической доктриной, - существовал в форме, может быть микроскопически маленьких житейских идей и крошечных доктрин, лежавших в плодородных пластах простого бытия массы населения. Там крошечные зерна давали ростки: корни шли вглубь, стебельки тянулись наружу. И, вот, настал момент, когда этими крошечными "идеями" и микроскопическими "доктринами" зазеленело все житейское поле. А за Муссолини и та огромная и неотъемлемая заслуга, что он понял правильно все значение этого житейского процесса, - не пренебрег ничем, а все собрал, все сконцентрировал, железной волей и железной рукой создал из отдельных стебельков единый и могучий ствол Фашизма. Но корни этого могучего фашистского дуба, все же в почве. В том именно, о чем я говорю: в бешеной агитации социалистической печати, оскорблявшей патриотические чувства "среднего итальянца", в подлых и диких выходках против героев войны, жертвовавших отечеству самое драгоценное свою кровь. Корни в дениграции всей нации, оскорблении овеянных славою знамен. Корни в страшной житейской разрухе, создававшейся нелепыми и гнусным забастовками "сознательных". И, наконец, корни фашизма - в кровавых эксцессах "сознательных". Фашистская доктрина, как решительно всякая политическая и экономическая доктрина, может только казаться монолитной. На самом же деле - она является результатом синтеза, и потому телом весьма сложным. И это "тело" поддается анализу, при помощи которого всегда можно определить по, крайней мере, главные составные части, элементы, и определить и взаимоотношение. Вот почему, заговорив о фашизме, как явлении мировом, я считаю необходимым подробно ознакомить моего далекого читателя с той почвой, на которой зародился фашизм итальянский, породивший в свою очередь, фашизмы других стран. Теперь вернемся к бурной революционной эпохе Италии, предшествовавшей выходу на сцену фашизма.

* * *

За время участия Италии в войне, забастовок, собственно говоря, не было, потому что забастовщикам грозили суровые репрессии по нормам военного времени. В 1919 году забастовочное движение начало поднимать голову. Годы 1920 и 1921 оказались годами какого-то забастовочного психоза, охватившего огромные массы рабочих всех категорий. В 1921 году в одной из больших

римских мастерских разыгрался следующий эпизод, характеризующий положение: собиравшиеся забастовать рабочие, сплошь "сознательные", выписали из Милана специалиста "организатора". Тот, явившись к своим клиентам, заявил, что, начиная забастовку, необходимо выставить какие-нибудь требования. Например, повышение заработной платы. - Третьего дня только получили здоровую прибавку! Неудобно! - Ну, так будем требовать строгого соблюдения санитарных правил в мастерских! - Требовали! Владелец все сделал, чего мы желали , и даже больше! - Потребуем вежливого обращения с рабочими! - Требовали! Обращаются вежливо! - Удалить придирающихся к рабочим мастеров! - Недавно, бастуя требовали! Всех выгнали! - Гм.. гм... Ну, так придумайте же, черт возьми, какой-нибудь предлог для новой забастовки! - А зачем мы тебя из Милана-то выписали, как не ради этого?! Ты специалист, ты и придумывай предлог для забастовки! Для того-то мы тебя и выписали! А сами мы уже столько раз бастовали, что все возможные предлоги использовали, ничего больше придумать не в состоянии! Особенно усердствовали по части забастовок транспортники, а среди них, понятно, "сознательные" железнодорожники и трамвайщики и нигде, именно, как именно тут чувствовалось, что для организации забастовок изобретаются предлоги, причина-то одна: стремление побольше ударить весь существующий строй, желание нанести ему ряд разрушительных, может быть, смертельных ударов. В Риме, например, в столице государства, в этом главном собирателе и распределителе творческой энергии страны, в городе, служащем центром, если так можно выразиться, "мысли тельного аппарата государственности", где малейшее нарушение ритма жизни влечет отрицательные последствия для жизни всей страны, - там организовывались и проводились забастовки по таким поводам: однажды пьяная мегера, исполнявшая роль билетерши в трамвае, разбила контрольными щипцами голову пожилого пассажира, который "осмелился" настаивать на том, что мегера не дала ему сдачи с пяти лир. Умирающего пассажира отвезли в клинику, а убийцу арестовали. Через час трамвайщики остановили движение по всем трамвайным линиям, требуя немедленного освобождения "невинной жертвы кровожадной буржуазии" и к ним присоединились и железнодорожники. В другой раз железнодорожники пытались провести всеобщую забастовку из-за того, что полиция, изловив на месте ночных громил, взломавших замки товарного вагона и выгребавших оттуда ценный груз, "осмелились" отправить воров в тюрьму. Оказалось, что громилы не просто громилы, а видные члены социалистической организации железнодорожные служащий. Как же осмеливается власть трогать таких доблестных представителей сознательного пролетариата?! И делается попытка парализовать всю экономическую жизнь огромной страны с десятками миллионов человек населения... Был период, - почти накануне прихода фашистов к власти, когда железнодорожники, останавливая поезда, не позволяли правительству делать операции передвижения отдельных отрядов войск, особенно же отрядов карабинеров, то есть, жандармов, - ибо "войсковые части и карабинеры употребляются для борьбы с революционным пролетариатом". Бывали случаи, когда машинисты отказывались вести готовый поезд, не желая везти осмелившихся сесть в один из вагонов офицеров или священников, - ибо это "враги пролетариата". В памяти моей осталась одна нашумевшая в дни карикатура. Она удалила больно по нервам многих... На страницах юмористического журнала были изображены две фигуры, стоящие на перроне железнодорожной станции: тучный, грузный обер-кондуктор с лицом заведомого плута, и маленького роста офицер в генеральском мундире, с лицом короля Виктора Эммануила Третьего. Король робко и почтительно осведомляется у обер-кондуктора, может ли он, король, воспользоваться готовящимся к отправлению поездом. Оберкондуктор решительно отвечает: - Король? Ну, так это надо еще обсудить на нашем собрании.. Эта карикатура, может быть, даже без ведома ее автора художника, характеризовала существовавшее тогда во всей Италии положение: если номинально еще и существовала общегосударственная власть со всеми своими органами, то фактически страной правила уже не она, а какая-то анонимная власть из ставленников "сознательных" железнодорожников и трамвайщиков... Поистине безумные забастовки шли в сельско-хозяйственной промышленности: руководимые социалистами организации крестьян систематически разоряли не только крупных и средних помещиков, делая невозможным ведение хозяйства, но даже и своего же брата, крестьянина, повинного только в том, что он пользуется частично наемным трудом. При таких забастовках погибала жатва, погибал рабочий скот, разрушались сложные, десятилетиями налаживающиеся хозяйственные организмы, и стране в ее целом, всей нации - наносились колоссальные убытки. Страна систематически разорялась. И это ее систематическое разорение делалось руками социалистов, проводивших забастовки по определенной программе. Отмечу, между прочим, что по этой части особое усердие проявлял отчаянный выжига, депутат Джакомо Маттеотти, наживший на забастовочном движении

миллионы. Тот самым Маттеотти, которого несколькими годами позже, в 1924 году убили фашистские террористы. Тот самый Маттеотти, в честь которого недавно воздвигли пышный монумент в Брюсселя бельгийские социалисты...

* * *

В так называемое "доброе старое время" у меня был достаточно обширный круг знакомств среди итальянских социалистов, не исключая и немногих местных "теоретиков марксизма". Говоря по совести, - я всегда поражался невежеству этих "товарищей", проявлявшемся даже по отношению к самой марксистской доктрине. Людей, которые знали бы твердо марксистские теории, можно было пересчитать по пальцам. Кстати, ведь, и социалистический Талмуд "Капитал" Карла Маркса, был переведен полностью на итальянский язык лишь накануне Мировой Войны. До этого "вожди" знакомились с "откровениями Карла" лишь по тощим и безграмотных брошюркам переведенным на итальянский язык, да и то не самими итальянцами, а русскими эмигрантами... Но, между прочим, в разговорах "по душам" все сплошь "ответственные деятели" итальянской социалистической партии, очень многие рядовые социалисты откровенно признавались, что о социалистическом строе в Италии можно только мечтать как о чем-то далеком. Во всех отношениях - это еще "музыка будущего". "Объективных условий" нет, и один Аллах знает когда они появятся. Фабрично-заводской пролетариат довольно велик количественно, но совершенно ничтожен качественно. В его среде почти нет людей, которые могли бы претендовать на звание "культурных людей". Жизненные идеалы, даже официально считающихся социалистами рабочих - сугубо буржуазны: человек спит и видит, как бы ему приобрести капиталец и зажить припеваючи на проценты. Людей, искренне преданных идее коллективизма и действительно враждебных принципу частной собственности, - их приходится днем с огнем выискивать. "Средний социалист" - это тот же "средний итальянец", а "средний итальянец" является до глубины души, до мозга костей скопидомом, накопителем частной собственности. Умершая в 1926 году Анна Кулешова, насадительница социализма в Италии, "воспитавшая" в социалистической вере многих местных лидеров, начиная с Филиппе Турати и уже упомянутого Маттеотти, - как-то раз с горечью жаловалась на отсутствие стойкости убеждений у подавляющего большинства итальянцев. До 1819 лет все они - анархисты. Как только влюбится и соберется жениться, делается социалистом революционной марки. Как только у него родится ребенок, а ему самому исполнится 22-23 года, он делается "умеренным социалистом". В 25 или 26 лет - он уже смеется над "социалистическими бреднями". Ну, а если случайно ему свалится наследство, то он и раньше делается свирепым собственником и отчаянным индивидуалистом... Следует отметить еще, что итальянская женщина, в своей массе является решительной и очень стойкой противницей социализма. Она, как общее правило, весьма религиозна, отменно бережлива, любит свой угол, готова и ногтями, и зубами защищать свою собственность. В ее душе заложен неистребимый инстинкт материнства и семейных начал. Суньтесь к ней с проповедью "свободных союзов", - сообщите ей, что рождаемых ею детей надо будет сдавать на воспитание в специальные коммунистические приюты, - и она вам глаза выцарапает, а то и горло перегрызет собственными крепкими и здоровыми зубами... Посмотрим теперь на вопрос с точки зрения экономической. Давным-давно афоризмом стало, что "Италия - страна мелкой собственности и мелких собственников". Эти "мелкие собственники", конечно, весьма непрочь поживиться за счет немногих более или менее крупных собственников, - но к уравнительному социализму ни малейших симпатий не питают. Так называемые "естественные богатства" Италии не велики. По исчислениям ее экономистов, ее сельскохозяйственная промышленность, при полном напряжении продуктивности, может дать населению материал для пропитания не больше 24-25 миллионов населения. Для прокормления остальных 17 миллионов материал нужно привозить из-за границы. "Богатство Италии - это трудолюбие ее населения, воловья выносливость, изумительная бережливость". Но раз в стране начинается революция, да еще не политическая, а социальная, сопровождающаяся неизбежно кровавою и разрушительной гражданской войной, ибо "средний собственник" будет защищать от социалистов свое добро и свою жизнь с яростью льва, ясное дело, в стране немедленно начнется чудовищно жестокий экономический кризис Уже через несколько недель после начала гражданской войны заграничный кредит прекратится, и с ним прекратится, привоз в Италию всего того сырья, без которого она не может и шагу сделать: ведь здесь нет ни каменного угля, ни нефти, ни железа, ни меди, ни лесного материала, ни шерсти, ни хлопка. Все надо покупать заграницей. Но, мало того, - надо, ведь, покупать и хлеб, ибо своего хлеба мало... Когда я беседовал на эту тему с вожаками социалистов, до Мировой Войны, - почти все они сплошь признавались, что по целому ряду

причин - всякая попытка провести в Италии социальную революцию и попытаться навязать стране социалистический строй - это чистейшее безумие: кроме чудовищной по своим последствиям катастрофы - ожидать нечего. - Но, как же вы, синьоры, проповедуете социалистическую доктрину, которая по существу является доктриной революционной?! Ведь, вы втягиваете известную часть населения в заведомо революционное движение! - Но должны же мы делать хоть что-нибудь?! Мы занимаемся покуда делом "психологической подготовки социализма", чтобы, когда создадутся по Марксу "объективные условия", - основная масса населения могла отнестись к делу сознательно.. Словом, на протяжении десятилетий добрые люди изо дня в день забавлялись игрой в революцию, играли с огнем и с динамитом, утешаясь соображением, что огонь не вызовет страшного пожара, а динамит ни в коем случае не взорвется. Но не то же ли делали и русские социалисты? Вслед за окончанием Мировой Войны, в Италии наметился совершенно естественный феномен потери влияния более или менее культурных социалистических лидеров на Панургово стадо рядовых социалистов, то есть, круглых и диких невежд, опоенных злым ядом революционности и рвущихся в бой, чтобы сейчас же заняться "социалистическим строительством", не заботясь о каких-то "объективных условиях". И весьма важную, а, может быть, и просто решающую роль в создании революционных настроений массы сыграла именно полная цинического лицемерия и злого коварства тактика "лидеров", которые продолжая старую игру с огнем, долго разжигали бестиальные инстинкты низов, прославлением успехов и достижений большевиков в России. Неимоверно раздувшаяся социалистическая партия втянула в свои ряды огромное количество так называемых "безответственных элементов", а попросту - меднолобых юнцов хулиганского типа. В партию вписались десятки и десятки тысяч людей с уголовным прошлым, заведомых профессиональных преступников, ждавших только сигнала, чтобы ринуться на "цитадель буржуазии" с целью приняться за немедленное "распределение ценностей". Ленинский девиз "грабь награбленное!" оказывал свое действие: вся чернь, вся социальная слизь, все отвратительные подонки общества шли под социалистические знамена или прицеплялись хвостом к "революционному авангарду". Если и раньше "лидерам" далеко не всегда удавалось удерживать в повиновении низы социалистической партии, если и раньше в этих низах легко находились охотники на всяческие эксцессы, - то теперь буйные настроения овладели большинством, и "лидерам" приходилось думать уже не о том, чтобы возбужденная их же, "лидеров" демагогической агитацией орава злых дикарей не растерзала в первую голову собственных "учителей и руководителей", оказавшихся в решительный момент слишком трусливыми... Когда именно достигло апогея разрушительное революционное движение в Италии после Мировой Войны, и сейчас идут споры. Помоему, по личным наблюдениям и впечатлениям, - было несколько "апогеев" в 1920 и 1921 году. Революционная волна вскипала, вздымалась, потом оседала. О губительной для всей страны эпидемии забастовок, этой форменной мании самоуничтожения, я уже говорил. Теперь скажу несколько слов о так называемых "неизбежных эксцессах", из бесчисленного множества которых сплеталось тогдашнее революционное движение. Гнуснейшие из гнусных лицемеров, это именно "идейные социалисты", сознательно и планомерно обманывая обреченное ими на гибель буржуазное общество, сознательно мороча его, приклеили такую этикетку к ужасным кровавым подвигам адептов социалистической доктрины. Смешно, право, говорить о "неизбежности", то есть, о чем-то, совершенно независящем от моей воли, если я годами проповедую религию ненависти, если я годами натаскиваю и без того кровожадных субъектов "на злобность", если я учу их, что "кровь есть лучший цемент для скрепления камней, из которых строится величественное здание мирового социализма", если я годами поучаю, что только силой можно добиться победы и укрепить за собой ее завоевания, - то есть, настойчиво зову на самые жестокие насилия, и заранее оправдываю и самые ужасные зверства, лишь бы только они служили на пользу социалистической партии! Когда буйно разгоралось послевоенное революционное движение в Италии, я еще работал в редакции римской "Эпохи", и там был в контакте с маленькой группой молодых журналистов, увлекшихся социализмом и его крайней формой, большевизмом. И, вот, не стесняясь в спорах, со мной, эти "революционные деятели" неоднократно давали мне драгоценный материал для понимания положения и сути творящегося. - Буржуазно-демократический строй осужден на гибель! твердили они. - Это ясно, как день! - Но почему же?! - А потому что выработанное демократами законодательство совершенно не рассчитано на возможность гражданской войны, совершенно не предусмотрело даже самой возможности этой гражданской войны, и потому не позаботилось о предоставлении власти прав и средств для борьбы с партиями, ведущими гражданскую войну. Когда идеологи и теоретики демократизма выбалтывали философские и юридические основы демократического строя, - во главу угла государственного строительства был

положен совершенно произвольный, конечно, тезис, по которому "борьба классов является совершенно законной и даже необходимой для нормального развития государственных институций, ибо эти институций должны удовлетворять требованиям большинства населения, а требования и идеалы большинства могут быть выясняемы только в процессе борьбы". Само собой разумеется, речь тут шла о "борьбе" мирного характера, о так называемой "борьбе идей", которые, по той же демократической доктрине, "имеют совершенно одинаковые права на существование и развитие". Ведь, пресловутые "идеологи" исходили из того, опять-таки , совершенно произвольного и ни на чем решительно не основанного, а психологически совершенно неверного и доказывающего лишь чудовищную слепоту сухих доктринеров, тезиса, по которому там, где всему населению предоставлены все демократические свободы, и где, значит, каждая политическая партия может рассчитывать, что, рано или поздно, но ей, все же, удастся путем проповеди своих идей убедить или перетянуть на свою сторону абсолютное большинство населения, - там никому не придет в голову прибегать к насилию, действовать революционным путем и применять революционные способы борьбы. Буржуазная демократия, создавая свои институций, совершенно упустила из виду, что в политических движениях фактор "количество" играет далеко не такую роль, как фактор "активность" или "напористость". Она не предусмотрела того обстоятельства, что основная масса населения любой страны является по своей натуре глубоко пассивной, и что нигде решительно и никогда масса не управляет собой, а везде, всюду, всегда, при всех условиях, она управляется активным, решительным, напористым меньшинством. Самой Природой масса бесцветная, бесформенная, безвольная, рыхлая и инертная, осуждена кому-нибудь подчиняться, за кем-нибудь идти. Она же, масса, органически неспособна активно защищаться и отстаивать свои права, а потому везде, всюду и всегда напористое меньшинство навязывает массе свою волю и захватывает право говорить от имени покорной массы. В своей врожденной, органической слепоте, под гипнозом собственных же доктрин, буржуазная демократия создала такой порядок, при котором власть, будто бы являющаяся эманацией большинства, не должна активно бороться с революционными течениями, покуда те не преходят уже к открытым революционным действиям. Но революционные партии не настолько наивны, чтобы рисковать резко и грубо нарушать формальную законность, покуда им еще не удалось подточить основ существующего строя и приобрести известное влияние на пассивную массу населения. А когда обстоятельства позволяют революционным партиям выступить на путь открытой агрессивности, наступает более или менее длительный период односторонней гражданской войны, ибо революционеры нападают непосредственно на аппарат власти, то есть, на нечто по существу беспартийное. Это "нечто беспартийное" во всех решительно государствах демократического парламентского строя забронировано только от врага внешнего, нападающего на всю страну, ведущего войну со всей нацией. Но когда враг действует внутри нации, внутри государственного организма, - власть оказывается совершенно не защищенной от нападения по той простой причине, что если она поднимет перчатку вызова и вступит в борьбу с революционерами, она автоматически делается властью партийной. А раз власть делается партийной, - то одним этим она уже делается властью беззаконной, ибо единственное оправдание ее существования - это "осуществление воли большинства, выраженного легальным путем, посредством всенародных выборов". А о каком же "выражении воли большинства путем выборов" может быть речь в эпоху, когда пробившиеся наружу революционные течения везде и всюду жестоко нарушают привычный, нормальный ритм жизни и создают такие условия, в которых масса фактически лишена возможности высказываться, ибо голос массы заглушается звериным ревом черни и истерическими воплями более или менее импровизированных вожаков крайних политических партий?! Все государственные институции буржуазно-демократического режима построены на принципе обеспеченности, возможности принимать решения только после всестороннего обсуждения вопроса парламентским путем, после дискуссий, споров, голосований, кризисов и прочей демократической канители. В мирное время - куда ни шло. Но в революционную эпоху все это ни к черту не годится, ибо в процессе борьбы сплошь и рядом необходимы молниеносные решения, как во время войны на полях сражений. В странах буржуазных демократий и парламентского строя господствует над всем правило о полном подчинении исполнительной власти по отношению к власти законодательной, то есть, тому же Парламенту. В мирное время - куда ни шло. Но, ведь, в эпоху революционную сам-то этот "контрольный аппарат", то есть, парламент, подвергается жесточайшему расстройству под влиянием разрушительной внутренней работы революционных партий и групп, его "коллективная воля" почти целиком парализуется склокой партий и он фактически перестает функционировать. А отсюда и паралич аппарата власти исполнительной. Сия последняя в том только случае может

иметь шансы на успех в борьбе с революцией, если будет пользоваться известной автономией действий. Но автономность власти автоматически ведет ее к постоянным нарушениям формальной законности, к тому, что и сама-то эта власть делается тоже революционной, только с другой стороны. Это - заколдованный круг, из которого буржуазной демократии не выскочить, если только она не решится отречься от основных своих принципов. В одной из предшествующих глав я уже упоминал о том, что и в Италии наблюдался такой же самый феномен, какой наблюдался раньше в России, охваченной революционным духом: так называемые "умеренные социалисты", долгими годами игравшие с огнем и динамитом и забавлявшиеся зверским инстинктом буйной и невежественной черни, стали неудержимо быстро терять прежнее влияние над своими агентами, и на место старых "вождей" стали приходить уже не "вожди", а просто "вожаки" из народных низов, из форменных подонков общества, люди, которые уже не говорили, что "необходимо вооружаться, необходимо строить баррикады!", а вопили истошным голосом: - На баррикады! Бей! Режь! Жги! Грабь! Мне понадобилось бы исписать много страниц, если бы я вздумал маломальски подробно повествовать творившихся здесь шедшею под социалистическим флагом чернью и острожной сволочью эксцессах, - но это завело бы меня слишком далеко. Однако, кое о чем вспомнить является необходимым, ибо без этого не поймешь основ фашистского движения в Италии. Мне вспоминается следующий мелкий, но очень уж характерный эпизод. В каком-то провинциальном городке, где раньше жизнь шла тихо и мирно, - вдруг разгорелось руководимое социалистами "пролетарское движение". Почти моментально образовались банды из молодых рабочих - форменных хулиганов. Начались забастовки, сопровождавшиеся насилиями над "буржуями". Вошли в моду буйные демонстрации. И вот, как-то в "Аванти!" появляется захлебывающая от восторга корреспонденция из этого города: - "Вчера сознательный пролетариат произвел внушительную демонстрацию своей могучей силы и железной воли. Когда ликующие толпы пролетариев проходили стройными, дисциплинированными рядами по главной улице, один буржуй позволил себе гнусную провокационную выходку, оскорбив священное знамя революции. Преступление не осталось, конечно, безнаказанным: священный гнев охватил мирных демонстрантов, и оскорбитель нашего знамени поплатился жизнью!" Правительственное расследование дало следующую картину: В то время, когда орда демонстрантов, почти сплошь мальчишек и профессиональных преступников, валила, неистово крича, по главной улице, 63- летний отставной канцелярский чиновник Икс, сидевший в своей столовой и пивший кофе после обеда, заинтересовавшись шумом, высунулся в окошко, чтобы посмотреть на толпу. У него в руках была недопитая чашка кофе. Вид этой чашки почему-то привел нескольких юнцов в ярость, и из толпы посыпались револьверные выстрелы в несчастного, который и был убит. В Болонье, муниципальными учреждениями которой завладели на выборах социалисты, - члены социалистической партии организовали форменную ловушку для выбранных консильерами представителей буржуазных партий и групп. Заранее созванные и вооруженные "дружинники" буквально расстреляли "буржуйских консильеров" в торжественном зале муниципалитета, днем, на официальном заседании. Проникшие в муниципалитет агенты власти обнаружили там целый склад ручного оружия и гранат. В расстреле "буржуев" принимали участие социалисты с богатым уголовным прошлым. В горном городке Сарцано вожаки социалистических организаций произвели разгром жилищ и избиение местных националистов. Власти отправили туда небольшой отряд войск на двух или трех грузовиках. Революционеры оказались предупрежденными и устроили ловушку. Грузовики с присланными восстанавливать порядок моряками застряли в узенькой улочке, перегороженной баррикадами. Сидевшие в засаде "дружинники" подвергли моряков обстрелу из-за прикрытия, забросали камнями. Моряки оказались вынужденными сдаться на капитуляцию. Разъяренная толпа набросилась на сдавшихся и обезоруженных людей и почти всех их перебила. Расправа носила неописуемый зверский характер. Особенно неиствовали женщины социалистки. Они не только убивали моряков, но еще и издевались над умирающими самым циничным образом. Подробности таковы, что в печати о них нельзя говорить. В эпоху захвата фабрик и заводов "сознательным пролетариатом", - это было при министерстве Джолитти, вернувшегося к власти после падения архи-радикала масона Питти, - в Турине группа рабочих какой-то мастерской, с участием женщин, захватила имевших неосторожность проходить мимо молодых националистов - Сонцино и Шимула. Организовался, все с участием женщин, "революционный трибунал". Этот трибунал, все судьи которого были людьми с уголовным стажем, вынес схваченным "буржуям" смертный приговор. Предполагалось сжечь их живьем в фабричных горнах. Но горны оказались потушенными. Тогда несчастных вытащили в глухой переулок и расстреляли. Над трупами издевались. В Милане группа анархистов почти сплошь юнцов из рабочих, с недоучившимся молодым интеллигентом, явным дегенератом, решила произвести отряды террористических

актов, с целью "ударить" буржуазии по воображению и навести на власть и буржуазное общество панику. Юные, но предприимчивые террористы раздобыли динамит, смастерили две адские машины, и подложили их в простонародном театре "Диана". Произошел взрыв. Сила взрыва направилась в сторону оркестра. Почти все музыканты были перебиты. Осколками адской машины были засыпаны первые, то есть, самые дешевые ряды, где большинство мест было занято детворой и няньками. И тут масса убитых и раненых. В общем, жестоко пострадало свыше 200 человек. Позже, когда злодеевтеррористов судили, - перед собравшейся публикой продефилировали пережившие эту страшную бойню, но пострадавшие от взрыва: безногие, безрукие, слепые, парализованные, с изуродованными лицами. Все сплошь - из трудовых слоев населения: няньки, писцы, маленькие приказчики, сапожники. И дети, дети... И когда президент трибунала обратился к подсудимым с вопросом, неужели же они не раскаиваются в содеянном, и неужели же не понимают, что они пролили кровь вовсе не воображаемых "буржуев", а детей трудовой среды, - получился спокойный ответ: - Мы, революционеры, не может позволить себе роскошь оплакивать участь отдельных личностей, пострадавших в процессе нашей борьбы с врагами народа! Лес рубят - щепки летят... Без этого нельзя обойтись, а потому о каком же раскаянии может быть речь?! Чтобы понять, какое колоссальное впечатление этот страшный эпизод произвел буквально на всю Италию и какие огромные последствия он за собой повлек, - надо знать итальянскую народную психологию. Итальянец импульсивен, в угаре страсти он способен на Бог знает что, но только не на хладнокровное зверство. У среднего итальянца всегда имеются известные симпатии к революции и революционерам; наследие прошлого, атавизм от дней, когда итальянской народной массе приходилось защищаться революционными методами от иностранных поработителей. Но тот же итальянец свято чтит культ героизма, и если в действиях именующих себя революционерами нет элемента героического, - итальянец сейчас же отшатывается, и даже больше, - ополчается против разоблачившего себя "героя". В его глазах это уже не герой, а гнуснец. И итальянец готов бороться с таким гнуснецом. В данном случае пролитая террористами в простонародном театре кровь детей и женщин брызнула в лицо всей Италии, обожгла народную совесть, и вызвала взрыв страстного негодования, которое обрушилось не только на самих печальных "героев" театра "Диана" этих несомненных выродков и злых садистов, но на их вдохновителей, и, наконец, на самою "пролетарскую революцию". Вы теперь можете услышать от более или менее беспристрастных наблюдателей и знатоков итальянской жизни, что фашистское движение выросло, дескать, на почве маразма и разложения парламентского строя, а его маразм и разложение явились продуктом одряхления и умирания всей доктрины бездушного формального демократизма и его доведенных до абсурда бумажных принципов. По очень и очень распространенному мнению, - если в итальянском Парламенте в надлежащее время нашлись сильные, решительные и прозорливые люди, способные играть роль вождей демократии, - итальянская государственность сама вступила бы в активную борьбу с разрушительными революционными движениями, и легко справилась бы с ними, ибо собственная сила революции была ничтожна, а успех революционного движения был обусловлен лишь дряблостью, тряпичностью, параличом воли и инертностью застигнутой революцией врасплох буржуазной демократии. Теория, как теория... Но суть-то в том, - что в буржуазной демократии здесь в критический момент "сильных людей" не оказалось, как не оказалось их и в России 1917 года, как не оказывается их и во Франции наших дней, да и в других странах. И это, конечно, отнюдь не является чем-то случайным... Когда в Италии, после тяжких испытаний военного времени, начало развиваться буйное и откровенно разрушительное, явно пагубное для всей страны революционное движение, в распоряжении ее государственности было решительно все необходимое для победы над этим революционным движением: отлично построенный и пустивший глубокие корни, судебный аппарат, поистине великолепная, пожалуй, единственная в мире и героически настроенная политическая полиция в лице корпуса карабинеров, в массе пламенно-патриотически настроенная и определенно антисоциалистическая учащаяся молодежь, огромные кадры столь же патриотически настроенных кадровых офицеров и унтерофицеров, миллионы экском-баттантов, лишь чуть затронутых революционной пропагандой, и весь громоздкий и сложный аппарат власти. Не хватало только одного: - Воли к борьбе. И, как показала жизнь, "Власть Законодательная" в лице Парламента, не могла породить этой "воли", без которой вся государственность была осуждена на убийственную для нее же пассивность. Возьмите такой пример: - Идет форменное революционное движение. Возбужденная чернь на каждом шагу творит эксцессы. Развращенная масса фабричнозаводских рабочих производит захват фабрик и мастерских, то есть, совершает деяние чисто разбойничьего характера. Во главе этого движения стоят социалисты, социалистическая партия. Это всем известно, да

вожаки социалистов и не считают нужным скрывать истину. Напротив, - они явно бравируют. А что же власть? О, власть! - По конституции, все политические партии имеют законное право на существование и деятельность, согласно своим программам. И, вот, стоящая открыто во главе революционного движения организация не только пользуется свободой действий, но того больше сохраняет за собой право... законодательствовать и право контролировать действия власти! Другой пример: - Социалистическая печать открыто призывает послушную ей, уже опоенную ядом революционности, уже доведенную до ярости темную и невежественную толпу жечь, грабить, резать, взрывать, уничтожать "врагов пролетариата". Восхваляются, воспитываются самые отвратительные, самые гнусные преступления. В крайнем случае, социалистическая печать лживо лепечет о "неизбежных эксцессах" и сейчас же находит оправдание злодеяниям их авторов в заведомо ложном утверждении, что, дескать, "террористический акт был спровоцирован наглостью буржуев". Ясное дело, что печать совершает чудовищное преступление, и что именно на нее ложится в первую голову ответственность за кровь, пролитую, например, в театре "Диана". Но что же власть? О, власть... - В государстве, пользующемся всеми благами конституционного парламентского строя, основанного на демократическом принципе, печать должна пользоваться и пользуется полной свободой. Ибо без свободы она, печать, лишается возможности исполнять свой долг перед страной, то есть, контролировать власть... Попробуйте сказать, что под понятие "контроль действий власти" никак уж нельзя подвести таких действий социалистической печати, как циничное восхваление самых зверских убийств, - начинается софистика. Начинается словоблудие, хорошо, увы, знакомое нам, россиянам, по поведению нашей "левцы".. Правда, и в Италии существуют законы, позволяющие привлекать зарывающуюся печать к судебной ответственности. И есть суд. И есть полиция... Все есть! Но попробуйте привлечь к ответственности "Аванти!" за какуюнибудь зажигательную статью! - Ответственным редактором является депутат Парламента Тревэс. Как депутат, он не может быть предан суду, если на сие не последовало согласие Камеры Депутатов! - Требуйте выдачи от Камеры Депутатов! - Не стоит и пробовать! Ведь, в Камере Депутатов больше трети голосов принадлежит именно социалистам! Буржуазные партии - а их пятнадцать или шестнадцать - грызутся одна с другой, и никогда не сговорятся по такому вопросу, тем более, что иные из них, по тактическим соображениям, вынуждены прибегать часто к коалиции с социалистами... И, вот, при существовании законов, - все же, социалистическая печать фактически, остается совершенно безнаказанной... Такова общая картина: Революция грозит нации гибелью и населению чудовищными страданиями. Социалисты отлично это знают, но, в угоду своей доктрине, проповедуют эту убийственную для страны революцию. Правящий класс отлично видит, что социалисты готовят нации гибель, но держится в пассивном положении, возлагая свои надежды на будто бы присущий массам "здравый смысл" и "инстинкт самосохранения". Власть отлично знает, что, под влиянием систематического вливания революционных ядов в жилы нации социалистами, "инстинкт самосохранения" совершенно притупился, а "здравый смысл" находится в безвестной отлучке. Но власть не пользуется автономностью и ничего не может предпринять по собственной инициативе. Инициатива должна исходить от Камеры Депутатов. Но в Камере Депутатов разрозненные и вечно грызущиеся буржуазные партии связаны в своих действиях исповеданием "бессмертных демократических принципов", - и фактически находятся в рабстве у мощной не столько количеством, сколько напористостью и наглостью шайки депутатов социалистов. Парламент есть "Палладиум Свободы". Но он построен на принципе суверенности прав населения в деле выбора своих представителей, - и в этом "Палладиуме Свободы" сидят злые, смертельные враги настоящей свободы. Парламент есть наивысшее государственное учреждение. Но в этом учреждении в изобилии имеются смертельные враги той же государственности. По писанной конституции, на обязанности Парламента лежит заботиться об охране и защите существующей законности. Но в этом же Парламенте заседает без малого двести социалистических депутатов, ежедневно заявляющих, что их главной целью является сокрушение строя насильственным путем, путем вооруженного восстания и массового истребления защитников строя, а на законность им, социалистам, в высокой степени наплевать. И где-то там, внизу, - существует огромная бесформенная и бесцветная обывательская масса, которая дальше завтрашнего дня не заглядывает, над будущим не задумывается, в происходящем совсем не разбирается, да и не хочет разбираться, да и не может, ибо ничего не видит, кроме того, что прямо касается ее обывательских микроскопических интересов. И на горизонте зловещая тень расправляющегося с несчастной Россией "Сумасшедшего с бритвой" - тень Ленина..

* * *

Как это бывает везде и всегда, раз только на жизненной сцене появляется Большой Человек и ему удается добиться известного успеха, - сейчас же у него находится несметное множество почитателей и поклонников, почитательниц и поклонниц. Набегают художники и скульпторы, почти всегда бездарные и незадачливые, но сметливые и ждущие только случая , чтобы прицепиться к пяткам грядущего триумфатора. И, вот, на мир изливается поток изображений нового героя изображений графических и пластических. И при этом "изобразители" и сознательно, и совершенно бессознательно идеализируют героя. Мало по малу, их общими усилиями из живого существа создается какой-то "отвлеченный тип" И каждый новый "изобразитель", принимаясь за работу, оказывается уже загипнотизированным этим "обязательным типом". И он тоже изображает не живое лицо, а лицо воображаемое. В моем писательском архиве имеется несколько сот портретов Муссолини. Все они схожи друг с другом, но, увы, - гораздо меньше схожие живым Муссолини... С другой стороны, в лагере противников каждого Большого Человека находится всегда множество охотников изобразить его в отвратительном виде. И тут о сходстве мало заботятся, и тут коллективными усилиями тоже создается "отвлеченный тип". Так произошло и с Муссолини: карикатуристы всех стран, следуя по стопам карикатуристов итальянских, создали свой собственный "тип Муссолини". Сторонники Муссолини идеализируют его черты, и идеализацией их искажают. Противники перегибают палку другим концом, и тоже искажают. Посмотрите на настоящего, живого Муссолини, и вам придется признать, что он очень далек от идеала мужской красоты. Чистокровный итальянец, он вовсе не похож на "типичного итальянца", но по внешности это очень сильно, до грубости выраженная физическая индивидуальность. Он чуточку выше среднего роста. Это крепыш с очень длинными и сильными руками, короткими и мускулистыми ногами, сильно развитой грудью, квадратными плечами, короткой, воловьей шеей и большой головой. У Муссолини широкое лицо, большой лоб, вбитая внутрь переносица, запавшие и маленькие глаза, большой рот и массивная челюсть. Его движения нервны и порывисты. Ему, по-видимому, лишь с трудом удается обуздать себя, так как клокочущая в нем энергия понуждает его все время шевелиться, двигаться, что-то делать. При надобности, - Муссолини проявляет себя блестящим оратором, но на моей памяти он все дальше и дальше отходит от ораторства. Да это и естественно: ведь раньше у него было, собственно говоря, единственное средство воздействия на массы непосредственное обращение к ним с ораторской трибуны. В устной и письменной пропаганде своих идей и заключалась его политическая деятельность. Без этого было невозможно его политическое творчество. А теперь, когда Муссолини является по существу Диктатором страны с 42 миллионным населением, распорядителем судеб Великой Державы, - и ему приходится напрягать все силы для огромного государственного и общественного строительства, - ему необходимо беречь свою энергию, и только в исключительно редких случаях он может позволить себе роскошь произнесения зажигательных речей перед толпой. Выше я сказал, что Муссолини - блестящий оратор. Но необходимо пояснить, что оратор не краснобай, не сладкопевец, не самовлюбленный соловей, упивающийся собственными речами. Когда нужно, - он умеет выражаться весьма литературно. Но когда он говорит перед толпой, - о красноречии, как таковом, Муссолини заботится очень мало. Зато он говорит языком понятным всем, и у него находятся образы, сразу производящие впечатление на слушателей, и он, мастерски выявляет самое главное, самое существенное, не заботясь о мелочах. К этому надлежит добавить, что Муссолини по натуре, по привычкам, по страсти - отчаянный полемист. Ему трудно, а пожалуй просто невозможно воздержаться от полемических выпадов, даже когда он, в качестве премьер-министра, приветствует в Камере Депутатов или в Сенате на официальных заседаниях, и зачастую он прерывает других ораторов, почти всегда едкими, как серная кислота, колючими, как конец стилета, замечаниями. При этом он не считает нужным стесняться в выражениях, и говорит то, чего другой государственный деятель не решился бы сказать. Голос Муссолини громкий, резкий, грубоватый, но очень сильный, - и тут есть соответствие между органом и субъектом. Да, впрочем, ведь и вся внешность Муссолини соответствует его сущности, его характеру: достаточно посмотреть на "Дуче", чтобы сказать, что это человек физически сильный, что его сила угловатая, резкая, буйная, что его энергия - страстная, кипучая, что его нрав строптивый, колючий, жестоковыйный. Посмотрите со стороны на всю деятельность Муссолини, и вы увидите, что он совершенно не сентиментален, и сам он этого не скрывает. Сильный человек, - он презирает все слабое, безвольное, трусливое. Человек действия, - он открыто презирает все вялое, слезливое, бесполезное. Наконец, как человек практической, творческой деятельности, Муссолини очень мало заботится об общественных теориях и совсем не считается с общеупотребительными шаблонами. В юности и в молодости он прошел хорошую школу социалистической партийности. Одно

время и сам выдвигался на линию общепризнанного вождя социалистической партии, но в надлежащее время в нем заговорил неумирающий и безошибочный инстинкт выходца из крестьянской среды, где отлично знают, что такое творческий труд, и какова цена отвлеченным теориям. Но те знания, которые Муссолини приобрел, будучи социалистом, изучая и людей, и вещи, изучая в мельчайших подробностях весь сложнейший механизм социалистической партии, правящий этой партией аппарат и самих "аппаратчиков" из профессиональных революционеров, их приемы, их привычки, их тактику и их стратегию - эти знания оказались имеющими колоссальное значение для головокружительной политической карьеры Муссолини. Когда, еще до вступления Италии в войну, Муссолини откололся от социалистической партии и пошел в сторону национализма, - в национальном стане оказался человек, который знал социалистов, как никто, и прежде всего знал все их слабые стороны, все легко уязвимые места. Вот, эти-то знания и сделали Муссолини таким страшным для социалистов и их союзников, - ибо в любой момент и в любых условиях Муссолини видел своих противников насквозь, и знал до мельчайших подробностей их планы и их намерения, и мог всегда бить их по самому чувствительному для них месту. О жизненной биографии Муссолини и говорить не стану: ведь, она уже известна в общих чертах моим читателям, и распространяться не стоит. Но абсолютно необходимо отметить следующее: Муссолини обладает огромными способностями анализа и синтеза, и его энергию нельзя назвать иначе, как сверхчеловеческую. В самых разнообразных вопросах он разбирается удивительно быстро и склонен принимать молниеносные решения. Правда, при этом не так уж трудно и в ошибку впасть, но у Муссолини такой взгляд на вещи: известный процент ошибок во всякой деятельности, все равно, неизбежен. "Молниеносные" решения едва ли особенно увеличивают риск в этом отношении. А с другой стороны когда каждый день приносит с собой многое множество подлежащих немедленному разрешению вопросов, - лучше делать дело с риском впадать кое в чем и в ошибку, чем медлить и откладывать решение "до наведения справок". Работоспособность Муссолини - нечто феноменальное, и в деле он наваливает на свои плечи такой огромный груз, что поневоле дивишься - как ему удается справляться с работой. Ее хватило бы на несколько человек...

* * *

В мои намерения отнюдь не входит писать историю фашистского движения в Италии и рассказывать на страницах "Нашего Пути" подробно все перипетии этого движения, ибо оно и сейчас живо, оно продолжает развиваться, оно растет, пуская глубокие корни в почву и давая свежие и полной жизненной энергии побеги. Значит, для "Истории" еще не настало время. Но иное дело - генезис этого движения, иное дело - вопрос о психологических причинах, создавших возможность зарождения фашизма и его победоносного движения, а равно и о тех путях, по которым шел итальянский фашизм на первых порах своего существования, или вернее, о тех путях, которые он прокладывал. В предшествующих главах я очертил, и довольно подробно, существовавшую на родине Муссолини обстановку и господствовавшие настроения. Бросим же беглый взгляд на самое начало возникшего в этой обстановке движения. Еще в 1919 году, вслед за окончанием войны, мне частенько приходилось слышать от знакомых итальянцев, принадлежавших к разным лагерям, что парламентская система оказывается страдающей каким-то органическим дефектом, который делает ее совершенно бессильной бороться с разрушительными течениями слева. Обнаруживались только первые симптомы банкротства, но так называемое "общественное мнение" еще не понимало всего зловещего значения этих симптомов, и баюкало себя мыслью, что речь идет о чем-то случайном и преходящем, стоящим в прямой связи с только что пережитыми страной в дни войны потрясениями и с изменениями, опятьтаки, чисто временными - психики народных масс. Оптимистами вызывалась к жизни старая теория, по которой вся суть была лишь в возбуждении, вызванном войной, в чисто временном "поднятии температуры". Но бояться решительно нечего: с течением времени "температура" должна опуститься до своей нормы, возбуждение должно выдохнуться, улечься, и жизнь войдет в свои рамки. И все будет хорошо... Но этот взгляд присяжных оптимистов совершенно не оправдывался обстоятельствами: то "общее возбуждение", та "ненормально высокая температура", о которой твердили оптимисты, и которым, по теории, надо было бы пойти на убыль сейчас же за заключением мира, когда получилась возможность вздохнуть свободно и вернуться к условиям мирного быта, на самом деле не только не шли на убыль, но, напротив, с каждым днем увеличивались. "Неизбежные эксцессы" и "вспышки" происходили все чаще и чаще, все гуще и гуще, принимая все более и более зловещий характер. И стоило только присмотреться к творившемуся мало-мальски внимательно, как в

глаза бросалось следующее обстоятельство: словно трещины избороздили по всем направлениям почву и из образовавшихся дыр и щелей неведомая сила стала выпирать на поверхность скопившуюся в подземных полостях социальную слизь с порожденными ею ядовитыми гадами. Всего за несколько недель до прихода к власти архирадикального министерства Савэрио Нитти, заведомого германофила, мне пришлось обстоятельно беседовать с одним из крупнейших итальянских журналистов того времени, Амэндола, другом и учеником Нитти и видным масоном. Не имея привычки стесняться в высказывании своих взглядов, я и на этот раз сказал Амэндола все, что думал о создавшемся положении, напирая, главным образом, на следующий неоспоримый факт: грозящее стране и ее населению страшными бедами разрушительное движение безудержно растет, главным образом, по той причине, что все антигосударственные и антиобщественные элементы имеют полную и неограниченную свободу действий, и могут не бояться ответственности. Им обеспечивается почти полная безнаказанность, если только они выбрасывают революционный флаг, хотя бы под прикрытием этого флага и провозился заведомо контрабандный груз. В "идейные революционеры" в массе уходят профессионально-преступные элементы населения. Их безнаказанность оказывает развращающее влияние на серую обывательскую массу. Соблазн слишком велик, и все межеумки, все ничтожества, вся общественная дрянь начинает тянуться под революционные знамена, сознавая, что "в случае проигрыша - хуже не будет, а в случае выигрыша можно будет лихо попировать и потешить душеньку". Амэндола, считавший себя серьезным социологом и философом, с угрюмой усмешкой ответил мне: - Ну, это, ведь, не ново! Это у вас, русских, которым ваша революция ударила красной дубиной по черепу и перебила ребра, установился такой взгляд, что с назревающим революционным движением можно справиться путем суровых репрессий. А у нас, европейцев, твердо установился другой взгляд. Демократические принципы не признают репрессий по отношению к "демосу", ибо именно он "демос" является суверенным господином жизни. - Но, ведь, речь идет вовсе не о "демосе", а только о той его части, которая у вас же итальянцев, называется "плэбалья", "сволота"! - Да, но это часть общего целого! И для того, чтобы бороться с этой частью целого путем репрессий, есть только один путь: диктатура! - А почему бы нет?! Ведь, ваши же предки, римляне, прибегали к диктатуре неоднократно в роковые моменты в жизни Рима! - Но мы на это пойти не можем, ибо "диктатура" означает отмену конституционной законности и предоставление права одному лицу или одной группе действовать "по личному усмотрению", не заботясь о правах других лиц и групп. Диктатура означает ничем не ограниченную власть, чье-то самодержавие! - А если спасение только в этом? - Мы на это, повторяю, никогда не пойдем, ибо это означало бы признать банкротство нашей основной идеи народоправства! - А если полное банкротство этого "священного принципа" обнаруживается, независимо от вашего признания, самой жизнью? Если повседневные факты указывают, что ваша теория не является абсолютной истиной, и, по крайней мере, в известных, пусть и временных условиях требует серьезных поправок? - Тем хуже ...для фактов! Со времени этого разговора прошло несколько месяцев. Ко власти пришел великий хитрец и лукавец Нитти. Амэндола играл негласно роль одного из ближайших сотрудников Питти, был занят по горло. И, вот, как-то мне пришлось снова встретиться с ним и заговорить на ту же тему. Я сказал, что происшедшее за это время говорит в пользу моих идей. Простой здравый смысл подсказывает необходимость для власти вступить на какой-то иной путь, и непременно приняться за активную борьбу с революционным движением. Иначе и в самом деле не только "буржуазия", но и "плебс" окажется жертвой "плэбальи", то есть, острожной сволоты и кандидатов в дом умалишенных. Амэндола, еще более угрюмо, ответил: - Не будем спорить о теориях. Но факт тот, что теперь единственной заботой всех ответственных политических деятелей нашей страны с Нитти во главе является не допустить до катастрофического обвала государства в пропасть революции. Приостановить движение нет физической возможности. Мы думаем только о том, чтобы как-то замедлить, затормозить это чересчур буйное движение вниз, и перевести его на более или менее плавный спуск на тормозах, дабы государственность не разбилась вдребезги! И эта теория неизбежности капитуляции перед напором совершенно ничтожного и количественно революционного меньшинства проповедовалась и практически проводилась в то время, когда, повторяю, в стране имелись еще колоссальные запасы совершенно здоровых национальных сил, когда еще мог отлично работать огромный и в общем отлично сконструированный аппарат власти, и когда для спасения нации нужно было только одно: воля и решимость бороться с разрушительными течениями, решимость наложить карающую руку на беснующиеся орды пьяных дикарей, штурмующих цитадель государственности! Да, ведь, это же - керенщина! И вступив в беседу на эту тему с другими моими знакомцами, я услышал от них следующее. - Совершенно верно! То, что творится у нас, в

Италии, похоже на то, что у вас, в России, творилось при Керенском, особенно же в те дни, когда генерал Корнилов делал свою отчаянную попытку спасти положение, и когда Керенский, ухватившийся за власть, оказался фактически в необходимости выбирать между Корниловым и военной диктатурой и Лениным с его диктатурой "сознательного пролетариата". - И выбрал - Ленина! А каковы последствия?! Или и вам хочется видеть у себя то, что было и есть в России?! Ответа не было...

* * *

Конечно, русская революция развивалась далеко не в одинаковых с итальянским революционным движением условиях. Главная разница была в том, что в России историческая национальная государственность рухнула еще во дни войны, и в деле ее сокрушения решающая роль принадлежала развращенной орде одичалой солдатчины, а в Италии, вышедшей из страшной войны победительницей, этих обезумевших орд пьяной солдатчины, этих миллионов вооруженных шкурников не было. Армия, конечно, тоже расхлябалась, но, все же, она целиком сохранила свою железную структуру. И в Италии, конечно, не было непомерно большого количества инородцев, стремящихся оторваться от России, и, за исключением российских большевиков, никто не спекулировал на итальянской революции. Словом, итальянская государственность в деле борьбы с революцией оказалась в значительно более благоприятных условиях, чем государственность российская. Но, с другой стороны, анализируя процесс развития революционного движения здесь, мы без труда открываем во многих пунктах сходство или сродство. Например, - в несчастной России, как мы знаем, захватившая революционным путем власть архирадикальная интеллигенция с Керенским во главе вплоть до октябрьского переворота и гибели России упорно, талдычила, что "разрушительные течения выдыхаются" и что "большевики себя дискредитируют в глазах массы населения с каждым днем все больше и больше", а потому, дескать, им, большевикам, не следует ни в чем приветствовать: всякая попытка борьбы с ними, послужит только на пользу "страшной черной реакции", которая, дескать, "совершенно погубит страну". - Оставьте большевиков в покое! - ораторствовал презренный трус, изменник и предатель Керенский, этот проклятый словоблуд, погубивший Корнилова, буквально накануне своего смехотворного бегства из Зимнего Дворца. И самым упорным образом тысячами маленьких Керенских проводилась теория, по которой силу, большевикам дает только встречаемое ими сопротивление. Если сопротивления не оказывать то революционная волна, дескать, ударится в пустоту, и там, конечно, развалится. Та же, по существу, теория выставлялась "Ответственными политиками" радикального лагеря и в Италии, а в результате и здесь революционное движение ничуть не выдыхалось, ничуть не слабело, а напротив, развивалось ускоренным темпам. Страшная зараза захватывала все более и более широкие круги населения и положение делалось все более и более безнадежным. Но в то же время в каких-то тайниках народной жизни уже начинала назревать совершенно естественная реакция. Почва для этой реакции быстро вырастала, главным образом, под ошеломляющим впечатлением несшихся со всех сторон вестей о "неизбежных эксцессах", о кровавых подвигах революционной сволоты. И все, что только было здорового и честного в стране, неудержимо отвертывалось от дискредитировавшей себя полным бессилием и всесторонним безволием парламентской системы, построенной на принципе бездушною формального демократизма. Само общество, в лице действительно культурных людей, которые еще не потеряли головы и не запутались окончательно в дикой паутине демократической казуистики, начало определенно склоняться к признанию той горькой истины, что от власти, покуда она находится в руках Парламента, находящегося в рабстве у социалистов, - ожидать спасения не приходится. Общество, во имя собственного спасения, должно приняться действовать, должно вступить в борьбу с революционной ордой, не считаясь с тем, насколько его, общества, действия в этом направлении будут согласовываться с формальной законностью, с конституционностью. Ибо выросло сознание, что при полном маразме парламентского строя, против одной революционности, прущей слева, увлекающей в своем течении орды черни, должна выступить революционность же, только другая. На моих глазах, и в очень короткий срок, развилось сначала брожение, а потом и движение среди экском-баттантов, главным образом - среди побывавших в траншеях, а потом вышедших в запас боевых офицеров и унтер-офицеров Их положение после войны оказалось невыносимым. Это были в массе, герои, жертвовавшие собой для спасения родины и имевшие полное право на почет и уважение. А вместо заслуженного почета эти испытанные бойцы нашли только оскорбления. Социалистическая печать без устали травила их и без устали натравливала на них осатанелую чернь, твердя, что это вовсе не герои, а "кровожадные цепные собаки капитализма" и смертельные враги

"трудового народа". Ядовитое семя ненависти дало пышные всходы: здесь и там науськанные социалистами хулиганы из фабричных юнцов принялись систематически оскорблять экском-баттантов на улицах и площадях. Зарегистрировано много случаев, когда "сознательные пролетарии" по большей части с солидным тюремным стажем, заплевывали на улице ветеранов войны, срывали с них ордена и медали, и, наконец, подвергали их избиениям. На одном из приморских курортов распропагандированными рабочими были жестоко избиты офицеры, явившиеся группой для купанья в море. В этот период мне приходилось довольно часто встречаться с итальянскими офицерами, навещавшую редакцию римской "Эпохи", разговаривая с ними, я имел возможность констатировать, что в офицерскую среду, в ее массе, уже проникло убеждение в неминуемой смертельной опасности для всех офицеров, если и на самом деле восторжествует революция и ко власти придут социалистические вожаки. Один из моих тогдашних собеседников, бравый молодой полковник альпийских стрелков, некий Л. говорил, мне: - Мы, конечно, читали рассказы о чудовищном истреблении русских офицеров революционной чернью, но, признаться, считали это фантастикой. Самым искренним образом мы предполагали, что такая невероятная история фабрикуется противниками восторжествовавших социалистов. Но теперь мы в подавляющем большинстве, начинаем верить, что все эти ужасы будут твориться и у нас, если только революционный поток прорвет плотину государственности. Но мы не испытываем ни малейшего желания разыгрывать роль баранов, приносимых "товарищами" в жертву Молоху социализма. Мы солдаты. Мы умеем владеть оружием, и мы прибегнем к нему для собственной самозащиты. Об этом уже ведутся разговоры. Здесь и там уже возникают частные офицерские организации самозащиты. Нам нужен только вождь, и мы, конечно, его найдем в лице какого-нибудь боевого генерала! Но искомый "вождь" нашелся, как мы знаем, в другой среде: вместо "боевого генерала" знамя борьбы поднял "боевой сержант", Бенито Муссолини.

* * *

Официальное начало фашистского движения было, признаться, очень скромным и могло казаться малообещающим: когда у Муссолини созрела идея необходимости приняться за организацию здоровых и честных сил нации для активной борьбы с надвигающейся революционной оргией, у него нашлось лишь около восьмидесяти человек единомышленников, почти сплошь людей, причастных к изданию большой миланской патриотической газеты "Иль пололо д'Италия", основанной еще до вступления Италии в войну, издававшейся сначала в Риме, а потом перешедшей в Милан. Необходимо добавить, что из первых откликнувшихся на зов Муссолини, очень многие прошли отличную школу войны, побывали в траншеях, приобрели боевой опыт, и, главное, выучились понимать, что значит дисциплина. Муссолини - человек с большим опытом партийной жизни, и он отлично знал, что для того движения, которое он затевал, были необходимы и материальные средства. Для войны нужны деньги, потом еще деньги, и потом опять деньги. Без денег много не сделаешь. На счастье Муссолини, среди его ближайших соратников нашлись люди, которые тоже понимали это, и, больше, были готовы нести жертвы. Я не знаю имен лиц, поддержавших Муссолини на первых порах, но слухи утверждают, что среди них видное место занимал верховный вождь футуризма, Маринэтти, который, несмотря на все свои чудачества, был и остался пламенным итальянским патриотом, весьма ревнивым к чести и доброму имени своей прекрасной страны. Так или иначе, но у Муссолини нашлись средства. И невольно с горечью вспоминаешь, как тщетно обивали пороги наших толстосумов генералы Алексеев и Корнилов, пытавшиеся спасти погибавшую Россию... У Морозовых и Парамоновых находились груды золота только для поддержки собиравшихся разрушить Россию социалистов...

* * *

В лагере противников Муссолини и сейчас при каждом удобном случае твердят, что "фашистской доктрины вовсе не существует", что Муссолини просто морочит своих почитателей многозначительными намеками на существование какой-то магической "фашистской формулы", и что все решительно, выдаваемое фашистами за их изобретение, - давным-давно известно всему миру. Социалисты разных марок, загипнотизированные "марксистской формулой", идут и дальше, и заявляют, что фашизм осужден на скорую гибель по той простой и естественной причине, что в его основу не положено никакой экономической идеи. Это все, конечно, дикий вздор или мошенническая игра словами и терминами. Мир не знает ни единой политической или экономической доктрины, которая укладывалась бы в формулу, подобную, скажем, формуле алгебраической, ну, хоть тому же "биному Ньютона", а в то же время являлась бы исчерпывающей по содержанию. Если профессиональным словоблудам и нравится бросать в толпу

"формулы" такого характера, - например "собственность - есть воровство" - то, ведь, это же - шарлатанство! Эта хлесткая фраза, годящаяся быть только оболочкой. А внутри - торричеллева пустота, и каждому предоставляется заполнить пустую оболочку таким содержанием, какое ему нравится. Кроме того, у социалистов, ведь, еще со дней бесноватого люэтика Фердинанда Лассаля вошло в обычай верить и утверждать, что и вообще-то в мире существует одна только политическая и экономическая доктрина "марксизм", а все, что вне сего - не имеет ни малейшего значения, все - пустота. А Человечество, как-никак, родилось не с Лассалем, и прожило на земле, может быть, миллионы лет, и за время своего существования, не мудрствуя лукаво, проходило длинный бесконечно длинный эволюционный путь, вырабатывая и так называемые "философские основания" своего быта, своего общественного и государственного устройства. "Экономические системы" с соответствующими "доктринами" существовали до нарождения "научного социализма", существуют и в наши дни, и, конечно, будут существовать и после, когда сама жизнь, разбив социалистические иллюзии, заставит сдать в исторический архив пресловутую "марксистскую формулу". Но если бы кто-нибудь подумал требовать предъявления ему изложенной в двух словах "фашистской доктрины", - конечно, такое требование удовлетворить нельзя. "Фашистская теория" или "фашистская доктрина", несмотря на всего семилетний срок своего существования, проделала уже достаточно длинный путь эволюционного развития. Она эволюционизирует и сейчас, и да позволит мне мой читатель такое живописное сравнение: Восемь лет назад, изобретательный мозг Бенито Муссолини нашел сразу понравившийся ему ядреный, крепкий желудь. Сей желудь был тогда же окрещен "фашизмом" и посажен в землю в присутствии восьмидесяти свидетелей, игравших роль "крестных отцов" фашизма. В очень короткий срок, из ядреного желудя вырос молодой кудрявый дубок. Люди подходили к нему, и говорили, что "это фашизм". В 1922 году из дубка вырос препорядочный и достаточно ветвистый дуб, оказавшийся способным блестяще выдержать бурю фашистской революции. И тогда люди говорили: вот, "это, и есть фашизм, весь фашизм". С тех пор, - со дня фашистской революции 1922 года, прошло пять долгих лет, и фашистский дуб гигантски разросся, и, естественно, значительно изменил свои внешние очертания, да и внутреннюю структуру. Мы глядим на этот гигантский дуб, и говорим: "вот, это-то и есть настоящий фашизм!". Но разве в том аллегорическом "желуде", который был посажен семь лет назад, - не было "настоящего" фашизма? Или тот фашизм, который в 1922 году через революцию пришел ко власти над одной из великих Держав, не был настоящим фашизмом? Если мы вздумаем анализировать нынешнюю официально признанную фашистскую доктрину, мы, конечно, найдем в ее комплексе ряд своего рода "исторических наслоений". К первоначальной идее, как к крепкому стволу дерева, делались, оказавшиеся необходимыми, "прививки". Например, - с фашизмом совершенно слился существовавший партийно самостоятельно "национализм". От фашизма отвалились кое-какие ветки, от которых сильно припахивало республиканизмом. Но фашизм остается фашизмом, эволюционизируя. И "фашистская доктрина", весьма несложная в 1922 и 1923 годах, к нашим дням сделалась уже чрезвычайно сложной. К ее основным элементам идеям непрерывно присоединяются все новые и новые элементы, которые, однако, отнюдь не искажают основы. Добавьте к этому, что итальянский фашизм пошел совершенно естественным путем преследования исключительно итальянских же национальных целей и задач, и так сплелся и слился с элементами национализма, что постороннему наблюдателю трудно, а в иных случаях и прямо невозможно разобраться, где тут национализм выступает под видом фашизма, и где фашизм кутается в тогу национализма. Затем, если мы даже условимся говорить об основных элементах фашистской доктрины, то и тут сейчас же приходится проводить известные грани, ибо есть элемент чисто экономический, а рядом с ним - элемент политический. А между ними втискиваются и другие элементы, хотя и родственные политическому, но имеющие, все же, известное автономное существование. В основу фашизма положено категорическое признание принципа частной собственности, как фактора, без которого современному человечеству грозит катастрофический регресс. Вторым автономным элементом является принцип национальный. Там, где бездушные доктринеры не только отрицают этот принцип, но и получают возможность воздвигать гонения на исповедующих его, опять-таки, получается не прогресс, а жесточайший регресс. Из этих двух основных элементов рождаются прочие. Например, из принципа частной собственности логически рождается принцип "мирного и честного сотрудничества классов", - полная антитеза ужасному по своим последствиям учению социалистов о "классовой борьбе". Из принципа национальности рождается принцип признания преемственности связи культуры, признание величайшей ценности патриотизм, который тоже является фактором общечеловеческого прогресса, ибо разумная любовь к своей родине служит могучим и неиссякающим источником творчества, а плодами творчества

индивидуума пользуется в конечном счете все человечество. Социалисты, строя всю свою деятельность на системе разжигания бестиальных, зверских, кровожадных инстинктов темных и невежественных низов населения, разжигая так называемую "классовую ненависть" и вменяя своим адептам в священную обязанность принимать участие в пресловутой "классовой борьбе", возвели в принцип свирепый и слепой классовый эгоизм, а торжество этого слепого и дикого эгоизма приводит, как мы знаем, к поистине ужасным результатам, ибо "пролетарский класс", стоящий на очень низкой ступени культурного развития и в своем целом располагающий весьма ограниченной способностью восприятия культурных начал и их развития, начинает эру своего господства с истребления всех носителей высшей культуры, и принимается сослепу истреблять и накопленные предшествующими поколениями великие культурные ценности... Муссолини не настолько наивен, чтобы проповедывать замену "классового эгоизма" "междуклассовым альтруизмом". Но его тезис таков, - в каждой стране должна существовать крепкая надклассовая власть, долгом которой является недопущение проявления классовой ненависти. Только туполобые фанатики могут верить в возможность полного уничтожения классов, - ибо классовые разделения являются логическим результатом самой Природой производимого процесса селекции. А отсюда проистекает, что долг разумной и заботящейся об всем населении власти - создавать такой порядок, при котором классовые противоречия сводятся к возможному минимуму, а деятельность отдельных классов регулируется в сторону максимального согласования. "Классовая вражда" ведет к тому, что непомерно большая часть развиваемой населением энергии уходит не на общественное творчество, а на "классовые трения", - то есть, тратится совершенно бесполезно". Если вы дадите себе труд познакомиться с вопросом, как создавалась фашистская партия в Италии, вы увидите любопытную картину: ядро партии образовалось из лично Муссолини известных людей, его единомышленников и соратников, на которых он мог вполне положиться. Они получили поручение заняться вербованием агентов, и потому, совершенно естественно, получили и известные права командования. Навербованные первыми фашистами партизаны образовали первую оболочку основного ядра. За ней, в процессе наращивания, образовалось множество новых "оболочек". При этом процессе принцип выборности и не мог играть роли: сразу создалась партийная иерархия, и создалась и вся система не "выборов", а "выбора" - по усмотрению инициаторов движения. Если хотите, - то тут происходил процесс своеобразной "партизанщины", набора волонтеров "капитанами" или "атаманами". Движение шло не "снизу вверх", а "сверху вниз", и это обеспечивало за первыми соратниками Муссолини, за "первопризывниками" командующую роль, а сама фашистская организация, в которой преобладали экском-баттанты, сделалась подобием регулярной армии со своим главнокомандующим, имеющим собственную "Ставку", с Главным Штабом, с "генералисимуссом" Муссолини, "генералами", полковниками и так далее. Позволяю себе такую страшную с точки зрения нынешнего антуража Муссолини и нынешних "теоретиков фашизма" ересь, что в первом периоде существования только что зародившейся фашистской партии едва ли было возможно говорить о "теории фашизма" ...и о "фашистской доктрине", как таковых, - и вот почему. Да, конечно: с тех пор, как сам Муссолини "откололся" от социалистов и занял враждебную по отношению к ним позицию, ему конечно, было необходимым противопоставлять какие-то идеи идеям марксистским. Но под рукой уже имелся неисчерпаемый запас таких антисоциалистических идей, и Муссолини оставалось только приспособлять и модернизировать наиболее подходящие из них, применяясь к условиям. Затем, сам будучи учеником социалистической школы, Муссолини не мог не относиться критически к этим старым антисоциалистическим идеям. Знаток социалистической доктрины, он отлично знал все дефекты капиталистического строя, все слабые стороны его, и естественно, выискивал поправки. Позже, уже придя ко власти, Муссолини многократно выступал публично со странно звучащими в устах премьер-министра великой Державы страстными заявлениями. - Не забывайте, синьоры, что я - революционер, что я делаю революцию, что моей основной целью вовсе не является охранение всяческого старья! Я пришел для того, чтобы разрушать отжившее, ненужное, и на его месте воздвигать новое, нужное! Мое строительство - строительство революционное! Политические противники Муссолини, и среди них в первую голову социалисты, издевались, издеваются, и вероятно, долго еще будут издеваться над Муссолини и его революционными заявлениями, низводя их до степени простого бахвальства. Но это - грубая ошибка: в самом деле Муссолини революционер, и идет революционным путем, и действует революционными методами. Однако, - так как он действует при этом по-своему, а не по готовым рецептам социалистической революционности, так как он осуществляет обширную программу строительства совершенно нового "общественно-архитектурного стиля", - то у общества остается все тот же ошибочный по существу, взгляд на происходящее, и общество, применяя

привычный, и очень узенький критерий, - отказывает в признании революционного характера за работой Муссолини.

Своеобразные формы проводимых Муссолини реформ сбивают с толку даже многих их его сторонников и "симпатизанов", - которые одобряя действия "Дуче", все же, говорят: - Какая же это "революция"?! Это скорее реакция! Вся суть в том, что современное человечество, выросшее на "священных принципах Великой Французской Революции" забило себе в голову идею, будто настоящей революцией является только такая, которая идет неуклонно влево. Все же прочее - это "черная реакция". И даже в нашей русской среде, несмотря на все пережитое нами, упорно держится тенденция объявлять большевистскую революцию не революцией, а контрреволюцией, - потому что торжество большевиков дало ужасающе отрицательные результаты для всего населения, а "настоящая революция - во благо".

* * *

Во всяком случае, - вплоть до "похода на Рим", в конце 1922 года у Муссолини и его ближайших соратников просто-напросто не было времени заниматься теоризированием идей фашизма, ибо все живые силы партии, вся партийная энергия поглощались делом борьбы с революционными движениями, грозившими разрушить здание итальянской государственности... Над этим считаю необходимым остановиться, ибо тут имеется много поучительного. Помню очень живо, как в Рим стали доходить первые и очень еще сбивчивые вести с севера о нарождении фашистского движения, о создании здесь и там фашистских организаций, а затем - о первых открытых выступлениях фашистов. Живо помню, какое недоумение вызвали эти выступления фашистов в чисто буржуазной среде, и какое буйное веселье было тогда в "Ревущем Стане" социалистов и их союзников! В самом деле, - силы фашистов тогда были совершенно ничтожны, микроскопичны. И с этими микроскопическими силами Муссолини осмеливался вступать в открытую борьбу с врагом, казавшимся гигантом: одна социалистическая партия тогда насчитывала свыше 200.000 "тэссерати", то есть, официально зарегистрированных и аккуратно платящих ежемесячные взносы в партийную кассу, посещающих партийные собрания, подчиняющихся своим вожакам сочленов. За спиной социалистов "профессиональные союзы и синдикаты" с миллионами сочленов. Рядом - бесчисленная орда осатанелых анархистов из подонков общества. С другого боку - другая орда так называемых "мильолистов", - деревенских батраков и "хозяйчиков", объединенных в мощный союз отчаянным демагогом клерикальным депутатом Мильони, который под грубо намалеванной маской клерикализма прятал волчьи клыки большевика. И в стороне - гигантское панургово стадо обывательщины, уже уверовавшее в собственную обреченность и думающее о том лишь, как бы хоть несколько отсрочить день своей гибели под мясницком ножом социалистических экспериментаторов. Как-то раз, когда на севере произошла кровавая стычка между социалистами и фашистскими дружинниками, и фашисты, несмотря на свою малочисленность, остались победителями, - среди моих коллег по редакции "Эпохи" воцарилось тяжелое смущение, тяжкое уныние. Не понимая, в чем дело, я рискнул просить объяснить мне причины этого смущения, и получил ошарашивающий меня ответ: - Эти безумцы, "фашисты", навербованные полоумным Муссолини, грозят своими действиями вызвать ужасный по последствиям взрыв! - Но почему же?! - Ах, но, ведь, это же так просто! Разумеется, о том, чтобы справиться с социалистами, - фашистам нечего и мечтать. Ну, значит их действия ведут только к пущему озлоблению социалистов, приводят социалистов в ярость, дают большие козыри в руки крайних, уничтожая и без того ослабевшее влияние умеренных вождей. Словом, фашисты провоцируют социалистов на резню! - А разве социалисты и без того не собираются выдавливать кишки у буржуев? - Н-ну, это, ведь, только так... для галерки... Ведь не звери же социалисты, а такие же люди, как и мы... И не ссылайтесь на русский пример: то, что возможно в России, невозможно у нас, в Италии... - Блажен, кто верует!

* * *

Опасения "ужасного взрыва" из-за "фашистской провокации" не оправдались. На первые попытки вступления фашистов в открытую борьбу социалистическая печать реагировала, как я уже сказал, буйным весельем. Социалисты заявляли, что "ренегат-изменник и предатель сознательного пролетариата" Муссолини, типичный шарлатан, и пр., и пр., безнадежно тонущий в атмосфере общего невнимания, затеял блеф. Целью Муссолини является снова привлечь к себе внимание буржуазного общества эксцентричной выходкой, и на этом поживиться. Но ничего из этого не выйдет: ведь, стоит только революционному

пролетариату просто дунуть или чихнуть и вся "фашистская партия" с самим Муссолини исчезнет в пространстве. Стычки фашистских дружин с социалистами учащались. Фашисты несли значительные потери, - так как перевес сил был на стороне противников, но, против всяких ожиданий, в большинстве случаев схватки кончались победой не социалистов, а фашистов. А в тех случаях, когда фашисты где-нибудь терпели поражение, всего через несколько дней производилась кровавая расплата нагрянувшей откуда-то "карательной экспедицией". Остававшееся в стороне от этой борьбы общество все больше и больше смущалось, и тревога росла. В том кругу, где я тогда вращался, мне почти не приходилось встречаться с людьми, которые относились бы к фашистскому движению одобрительно, - если не считать, вернувшуюся с фронта, боевую молодежь. Против всяких ожиданий, в буржуазной среде фашистам самым серьезным образом ставили в вину то обстоятельство, что они "действуют открыто антиконституционными средствами" и что они, дескать, "осмеливаются нарушать конституционную законность". Помню еще, как однажды к нам в редакцию явился совсем молодой отставной офицер Р., герой войны, и принялся с увлечением рассказывать об эпизодах борьбы с социалистами в его родной провинции. - Но как же это так?! Ведь, это же значит, что вы начинаете вести гражданскую войну?! Р. рассмеялся: - Проснитесь, синьоры! Протрите глаза! Вы нас упрекаете за ведение гражданской войны и почему-то считаете совершенно естественным, что эту гражданскую войну, и уже не первый год, ведут социалисты, мильолисты и анархисты! - Да, но, ведь, вы же совершаете беззаконные деяния! - Проснитесь, проснитесь, синьоры! Может быть вы тогда увидите наконец, что уже не первый год все действия социалистов и их союзников - сплошное и вопиющее беззаконие! И почему-то вас все это не пугает, а, вот, когда мы, жертвуя собой, выступаем в вашу же защиту, - вы приходите в ужас и готовы упасть в обмороке! - Но, ведь, вступая на путь беззаконных действий, вы идете против существующей власти?! - С точки зрения чисто формальной. мы хотя и нарушая законность, все же, идем не против власти: ведь, наши действия направлены целиком против врагов той же власти! - А если власть, все же, решит приняться обуздывать вас? - Пусть попробует, - огрызнулся Р. - Тогда и мы поднимем знамя восстания, ибо выступление власти против нас будет означать форменный союз власти с социалистами, или, точнее сказать, подчинение власти социалистам! - Гражданская война... Но как же так? Восстание против законной власти? Но... как же это?! И Р., зло смеясь, ответил: - В конце-концов, синьоры, это делается просто смешным! Как?! Неужели же, в самом деле, вы не видите, не слышите, не знаете, что социалисты давно ведут гражданскую войну? Слушавшие, - члены редакции "Эпохи", отнюдь не социалисты, разводили руками: - Разница с прежним только та, что раньше никто не давал им отпора, а теперь нашлись люди, смеющие защищать себя и нас же! И, вот, вы смертельно пугаетесь. Но чего?! Не того, что социалисты вас грабят и режут, а того, что кто-то осмеливается давать грабителям и убийцам отпор! И в ваших глазах совершающиеся превращения в пугающую вас "гражданскую войну" только с того момента, когда кто-то осмеливается сопротивляться поджигателю, грабителю, убийце! Вас до обморочного состояния доводит термин "революция", но почему-то не тогда, когда идут в открыто революционное наступление орды пьяных дикарей под красным знаменем, а только тогда, когда у кого-то находится мужество встречать эту орду выстрелами! Вы, синьоры, молчите, словно набрав воды в рот, когда социалисты совершают вопиющие беззакония, направленные для разрушения государства и общества. Но вы же принимаетесь вопить о беззаконии, как только у кого-то находится мужество взяться за оружие для своей и вашей защиты, не считаясь с формальной законностью! Опомнитесь, Синьоры!

* * *

Я уже сказал, что первые активные выступления фашистов в деле борьбы с социалистами и их союзниками "мильолистами", анархистами и уголовными преступниками были встречены буйным смехом в социалистическом лагере, заявлениями, что "священный гнев революционного пролетариата сдует с лица земли этих дерзких наглецов!" Но буйный смех скоро стал стихать. Послышалось бормотание недоумения, в котором прорывались нотки испуга и начинающейся растерянности. Несмотря на тяжкие потери со стороны фашистов в первых стычках, - в их лагере не проявилось упадка мужества, не пришло сознание всеми нефашистами утверждавшейся или хоть молча признававшейся безнадежности их дерзкой затеи. Вместо того, чтобы немедленно рассыпаться, развеяться прахом, фашистские организации размножались с почти фантастической быстротой. Редевшие от потерь ряды немедленно пополнялись новыми добровольцами. Павшие бойцы заменялись новыми. Энергия не иссякала, а, наоборот, возрастала, движение явно пускало корни и крепло. И

столкновения с социалистами делались все чаще и чаще. Что же происходило? А вот что... Как я уже отмечал в предшествующих главах, в массе населения Италии имелось множество здоровых, честных, патриотически настроенных элементов. Вся беда была только в том, что все сплошь эти элементы были рассеяны, не имели единой общей идеи в смысле решения, что и как именно надо делать, не имели вождя, в которого могли бы верить и которому могли бы повиноваться, не рассуждая. Образно говоря, в стране имелись крепкие, но разрозненные нити, но не было того "станка", который мог бы послужить для превращения этих нитей в прочную ткань государственности. Вы спросите: - А разве не было законной власти, разве не было правительственного аппарата, разве не было Закона? - Да, все это было, но пребывало в положении или состоянии, как если бы всего не было. Закон был, но не исполнялся. Власть официально существовала, но бездействовала, потому что она была только "эманацией" Парламента, а сам Парламент совершенно разложился. Аппарат власти существовал, но был в параличе, потому что в параличе была и сама власть. Еще в своей основе здоровое общество держалось пассивно, потому что на пути его активности стояла стена парламентаризма. Общество делегировало парламентскую власть, дало ей мандат на право и обязанности защищать государство, и тем самым связало себе руки. А власть, повторяю, была в маразме...

* * *

Еще в начале XX века, когда социалистическая партия была совершенно ничтожной в общем силой, ее вожди применили тактику, которая дала большие положительные для социалистов и их революционной цели практические результаты. Тактика эта состояла в повсеместной организации так называемых "Камер Труда" в постепенном завоевании коммунальных и муниципальных учреждений. "Камеры Труда", по идее, по официально объявленной программе действий являются организациями политическими. Они имеют, по идее, характер организаций чисто профессиональных, дело которых - облегчать положение рабочих путем организации труда, взаимопомощи, защиты интересов и прав, и так далее. Но, разумеется, эта формальная аполитичность была только маской, прикрывающую истинную физиономию "Камер": организованные и руководимые социалистами, они фактически служили лишь для завоевания влияния на аполитичную рабочую массу и для использования этого влияния в революционных целях. Рабочие не-социалисты, становясь клиентами социалистических Камер, автоматически переходят на положение "симпатизанов" и сателлитов, образуют большой "хвост", влекущийся за социалистической "головкой". Что же касается коммунальных и муниципальных учреждений, конструирующихся на принципе избирательного права, то с ними положение было таково: на выборах решающий голос принадлежит количеству. Народная масса, как показывает практика, относится к своим избирательным правам, обыкновенно, весьма пассивно. На выборы является меньше половины избирателей. Масса избирателей, находящаяся еще на весьма низком культурном уровне, чрезвычайно легко поддастся влиянию демагогических лозунгов. Свои голоса она склонна отдавать не тому, кто обращается к доводам простого здравого смысла и развивает программу действительно полезных действий, соответствующую реальной возможности, а тому кто без зазрения совести морочит невежественную и легковерную толпу обещанием золотых гор и кисельных берегов. Если к этому добавить еще, что так называемые "буржуи" разбиваются на множество грызущихся партий, а социалисты идут сомкнутым строем, и тащат за собой послушным "хвост" из представителей рабочих низов, - не приходится удивляться, что на выборах очень часто одерживают победу именно социалистические кандидаты, хотя самих-то социалистов в населении имеется еще ничтожное количество. Но что же дается завоеванием коммунальных и муниципальных учреждений? О, очень и очень многое! Где социалистам только удается, всеми правдами и неправдами, захватить, скажем, муниципалитет, - там, в прямую зависимость от них становится весь многочисленный служебный персонал, там, конечно, в их распоряжении оказываются общественные суммы, право производить разнообразнейшие, требующие затрат, работы, право контролировать школы, больницы, приюты и так далее И потому, совершенно естественным путем, социалисты получают огромное влияние на огромную политическую массу. А пользоваться этим влиянием они, конечно, не стесняются: из среды муниципальных служащих выбрасываются или выживаются люди, оказавшиеся неугодными социалистам, и замещаются или социалистами же, или "симпатизанами". Подряды и поставки попадают в руки "своих людей", то есть, социалистов. Для производства работ принимаются лишь "организованные". И так далее. Но, помимо простого увеличения своего влияния, социалисты, конечно, извлекают и другие, чисто материальные выгоды. Они, не стесняясь с общественным добром, устанавливают высокие тарифы оплаты труда, особенно

рабочим низших категорий, но взимают с них высокий процент в пользу партийной кассы, и таким путем получают значительные средства для своей чисто партийной деятельности. Особое внимание социалистов всегда обращают на себя разные благотворительные учреждения, обладающие огромными, веками накопленными путем пожертвований средствами. Захват таких благотворительных учреждений с их богатствами дал возможность социалистам, предавшимся неудержимому хищничеству, - получить огромные суммы. Как выяснилось только гораздо позже, - социалистами были буквально разграблены десятки и десятки миллионов. После Мировой Войны, под влиянием ядовитой пропаганды социалистов, как "красных", так и "черных", то есть, "мильолистов", в земледельческих районах Италии начало развиваться аграрное движение, скоро принявшее весьма угрожающее для всей страны размеры. "Организованные батраки" или "малоземельные" принялись захватывать частновладельческие земли, начиная с хуторов в десяток-другой гектаров. Растерявшаяся, страдающая параличом воли парламентская власть не дерзала бороться с этим разбойничьим движением, ссылаясь на неимение в своем распоряжении достаточных сил полиции или войск. На самом деле - это было, конечно, простой уверткой: если бы только власть решилась начать изгонять расхищавших и уничтожавших чужое добро грабителей, прибегая к энергичным средствам, то есть, атакуя захватчиков как разбойников, какими они по существу были, то, конечно, двух-трех суровых расправ было бы совершенно достаточно для острастки всей массы хищников. Эта масса поняла бы, что с ней шутить не будут, и что ее ждет наказание. Но для того, чтобы приняться уничтожать, хотя бы только находящиеся в непосредственной близости к административным центрам разбойничьи гнезда вооруженной силой, надо было официально признать, что власть поднимает бросаемую ей революцией перчатку, и намерена бороться не с отдельными нарушителями законности, а со всей революцией, со всей уже увлеченной в революцию ратью "красных". А вот, на это-то правительство, пребывавшее в рабстве у социалистов, и не смело решиться, ибо оно, правительство, было "строго конституционным" и боялось отменить конституционные нормы, хотя бы на короткий срок... Я уже упоминал однажды о том, что здесь, в Италии, был тогда период, когда распропагандированные социалистами "сознательные" принялись захватывать мастерские, фабрики, заводы и т.п. промышленные предприятия, и, изгоняя хозяев, стали организовывать там пресловутые "Советы Рабочих", - ячейки будущей "Советской власти". И, опять-таки, растерявшаяся слабовольная власть не осмелилась сделать то, что было ее прямым долгом: не применила вооруженную силу, которой располагала, для изгнания насильников и грабителей, расхищавших и уничтожавших чужое добро. И опять нашлась оговорка, то есть, увертка: - Нужны были большие силы, а мы ими не располагали! Джолитти, великий хитрец и лукавец, не постеснялся заявить, отвечая на запрос в Камере Депутатов по этому вопросу следующее: - Чтобы изгонять захвативших фабрики и заводы рабочих надо было бы пустить в ход пушки, то есть, надо было бы стрелять по тем же фабрикам и заводам. Не знаю, понравилось ли бы это самим владельцам фабрик и заводов?! Тут, конечно, опять проделывалась грубейшая передержка: ведь, достаточно было подвергнуть обстрелу какую-нибудь одну мастерскую, чтобы захватчики прониклись сознанием грозящей им опасности... Так или иначе, - но социалистическая затея захвата фабрик и заводов скоро провалилась, ибо выяснилась невозможность поддерживать производство, не захватив одновременно банков, не завладев железными дорогами, не свергнув парламентское правительство, не перетянув на свою сторону армию и флот, не уничтожив аппарата администрации и полиции. Но если захватившие силком фабрики и заводы городские рабочие скоро принялись уходить оттуда, - то не так дело обстояло с захваченными сельскими рабочими и малоземельными крестьянами землями там, вдали от административных центров, - захватчики засели прочно, и продолжали сидеть и после падения министерства Джолитти, уступившего свое место радикалу Факта. Я вынужден останавливать внимание моего читателя на этих подробностях по особым причинам; ведь когда фашисты перешли на путь организованной борьбы с социалистами, - их меткие удары стали обрушиваться по трем направлениям, указанным выше, то есть, на "Камеры Труда" и родственные им социалистические "Клубы", на захваченные социалистами муниципалитеты и, наконец, на "красные гнезда", то есть, на захваченные поместья. В этом периоде борьбы фашисты применяли следующую тактику: там, где они чувствовали себя сильными, они организовывали своего рода "стратегические пункты", и сформировали "летучие отряды активистов", людей,. умеющих владеть оружием и не боящихся пускать это оружие в ход. Эти "летучие отряды", быстро передвигаясь на грузовиках, принялись совершать налеты на ставшие очагами революционной заразы "Камеры Труда", подвергая их и родственные им социалистические "Клубы" и "Общества" разгрому. Обстановка "Камер" или "Клубов" безжалостно уничтожалась, засевшие там "организаторы

рабочих масс" разгонялись, а если оказывали сопротивление оружием, то получали ответ оружием же. Одновременно другие "летучие отряды" производили "примерные экзекуции" в захваченных социалистами поместьях, норовя при этом расправляться главным образом не с красным быдлом, а с его вожаками, с "организаторами" и с "руководителями" среди них в первую голову - с облеченными парламентской неприкосновенностью депутатами социалистами и мильолистами. В более или менее крупных городских центрах такие операции революционного с другой стороны характера были, конечно, затруднительны, но все же, возможны, хотя и в известных рамках. Здесь такие же "летучие отряды" по большей части захватывали муниципальные и коммунальные учреждения, арестовывали засевших там "красных синдиков" и "консильеров", и угрозами расправы заставляли их подписывать прошения о сложении полномочий. За явной невозможностью замещать выгнанных таким образом синдиков и консильеров путем выбора самим населением новых, правительству ничего не оставалось делать, как назначать "временно", до выяснения дела, собственных, правительственных агентов на должность синдиков и консильеров. На первых порах все общество пришло в несказанное смущение от применения такой тактики фашистами, а социалисты, как я уже говорил, принялись высмеивать фашистов и грозить расправой с ними. Однако, очень скоро в социалистическом стане послышались уже вопли боли и обличавшей их органическое бессилие ярости: социалисты принялись взывать к правительству, требуя от него принятия энергичных мер, не исключая и вооруженные силы, для защиты "Камер Труда", "Клубов", муниципалитетов, разных социалистических организаций и т.д., ссылаясь на законность. Из глухих мест провинции начался исход, а потом и паническое бегство всех социалистических вожаков. Они стремились в большие города, и там становились под охрану агентов власти, под охрану той самой конституции, разрушением которой только что занимались. Боевые выступления фашистов скоро стали производить глубокое впечатление на всю массу населения, и тогда наметился заслуживающий серьезного внимания феномен: как только стало выясняться, что фашисты представляют собой известную и имеющую тенденцию расти, силу, сейчас же завилял во все стороны и потом стал по частям отрываться огромный социалистический "хвост". Люди, покорно тащившиеся на социалистическом буксире, покуда верили, что победа обеспечена за социалистами, и что союз с ними гарантирует полную безнаказанность, - стали открещиваться от солидарности с социалистами, а потом и перебегая понемножку на сторону фашистов. Как ни странно, - это движение проявилось в серьезных размерах и среди самих рабочих, сначала, конечно, только тех, которые не входили в ряды социалистической партии, а лишь шли за социалистами в так называемых "профессиональных союзах". Оказалось, что в самой же рабочей среде было немало людей, резко недовольных засильем социалистов, отказывавшихся верить в возможность насаждения социалистического строя, отчасти патриотически настроенных, но запуганных и "затурканных" социалистами. Затрещали "красные синдикаты". Затрещала и сама социалистическая партия. Утечка "симпатизанов" и "зарегистрированных" скоро приняла очень большие размеры. "Откалыванье" шло и направо, к фашистам, и налево, к коммунистам. Но важным было то, что неимоверно распухшее за 19181920 годы ядро социалистической партии неудержимо таяло, силы раздроблялись, распылялись, убывали. При министерстве Джолитти, социалисты устами своих парламентских представителей, стали настойчиво требовать от правительства сначала просто только обуздания, а потом и формального уничтожения фашистской партии. Джолитти очень сухо ответил, что, не входя в обсуждение вопроса с юридической точки зрения, не возбуждая вопроса о праве фашистской партии на существование, все же, приходится считаться со следующим обстоятельством: сейчас в партии состоит около 120 тысяч человек, в большинстве умеющих владеть оружием и объединившихся в организацию военного характера. В готовности фашистов отстаивать свои права на существование, хотя бы с оружием в руках - не приходится сомневаться. Кроме того, у фашистов имеются уже миллионы сочувствующих им среди населения, так как они, фашисты, открыто выступают в защиту достояния граждан и порядка. Это означает, что для осуществления попытки обезоруживания и потом роспуска фашистских организаций придется прибегнуть к вооруженной силе, пустить в ход армию. Иначе говоря социалисты требуют от правительства, чтобы оно, в угоду им, врагам, существующего государственного и общественного строя, вступило в обещающую быть кровавой гражданскую войну с фашистами. У правительства на это не хватает сил! А фашистское движение все развивалось и развивалось. В самом Милане, еще недавно бывшем цитаделью социалистической партии, организовался мощный фашистский центр. В рядах социалистов все чаще и чаще начала прорываться паника, порой дававшая почву прямо-таки комическим эпизодам. Когда, в конце первой половины XIX века, прародитель современных большевиков, Фердинанд Лассаль, после одного из удачных выступлений

социалистов, вырвавших ряд уступок у растерявшейся власти, говорил, проявляя изумительный цинизм: - Нас, социалистов, было совершенно ничтожное количество. Наши силы, в сравнении с силами наших противников, равнялись почти нулю. Наше дело было, собственно говоря, безнадежным. Но мы, вырядившись в львиные шкуры, принялись так страшно рычать, и при этом так яростно били копытами о пол, вызывая неописуемый грохот, - что наши противники дались в обман. Они поверили, будто мы и впрямь - львы революции, да еще какие?! Они поверили, что мы страшно сильны. И они сдали нам важнейшие позиции. Эта же немудреная, но ловкая тактика оглушения противника зычным ревом и грохотом, ослиных копыт его запугивания скрежетанием, будто бы страшных львиных зубов, угрозы "стихийным гневом пролетарской массы" - она применялась, и с неизменным успехом., социалистами всех стран на протяжении почти семи десятков лет, то есть, до прихода на сцену фашистов. В истории итальянского фашизма имеется один удивительно красочный эпизод, о котором недавно поведал вождь футуристов Маринэтти. В Милане социалисты решили произвести попытку революции и в случае успеха - организации "Временного Правительства, стоящего под контролем Совета рабочих и солдатских депутатов". По программе, дело должно было начаться грандиозной забастовкой, потом на улицы вываливается под предлогом "мирной демонстрации" вся "пролетарская армия", она сметает слабые кордоны полиции, завладевает муниципалитетом, и прокламирует социалистическую республику. Первая часть этой программы была проведена, как по маслу: произошла по пустому предлогу забастовка, жизнь огромного города начала замирать, мирное население принялось прятаться в разные щели, на улицу вылилось из социальных подвалов несколько десятков тысяч "пролетарских бойцов", "мирная демонстрация" уже направилась в центр, чтобы захватить почту, телеграф, банки, муниципалитет и префектуру. Но планы социалистов были известны фашистам. Фашисты наскоро собрали в своем главном штабе, то есть, в помещении редакции руководимой Муссолини газеты, триста человек решительно настроенной молодежи, вооружившейся только увесистыми палками. И, вот, когда полицейские кордоны начали уже поддаваться под напором "мирных демонстрантов", фашистская дружина произвела вылазку и врезалась в ряды пролетарской армии. По признаниям самих социалистов, в организованной ими "мирной демонстрации" участвовало не меньше тридцати тысяч человек, и из них по меньшей мере у двенадцати тысяч были револьверы, а у остальных - засапожные ножи, кастеты, кинжалы и другие предметы из арсенала "пролетарского вооружения". Но вся орава дрогнула, столкнувшись с кучкой фашистов, пришла в замешательство, попятилась, расстроила свои ряды, а потом ударилась в паническое бегство, сея по дороге тысячи револьверов, кастетов, ножей и дубин... Попытка революции была сорвана...

* * *

Рассказанный в предшествовавшей главе эпизод разгрома 30.000 оравы "сознательных пролетариев" кучкой почти безоружных, но умеющих жертвовать собой фашистов в 300 человек, срыв грандиозной забастовки революционного характера действиями этой ничтожной количественно, но сильного своей дисциплинированностью, храбростью и решимостью кучки патриотов, оказал огромное влияние на дальнейший ход событий. На глазах у населения наибольшего в Италии города и первого по величине торгово-промышленного центра, на глазах у почти миллиона обывателей, - с социалистов была сорвана грубо размалеванная "ужасная маска". Фашисты содрали с плеч социалистической оравы львиную шкуру, и показали населению, что под этой шкурой прятался презренный шакал, кровожадный, наглый со слабыми, а вместе с тем трусливый, как заяц. "Миланские события" показали, как прав был Муссолини, вышедший из социалистических же рядов, и знающий всю социалистическую подноготную, когда он говорил обществу и правительству: - Напрасно вы, синьоры, думаете, что в лице социалистов вы имеете дело с настоящими революционерами! Это вовсе не революционеры, люди действия, а маргариновые революционеры, презренные болтуны и демагогические краснобаи! Вы слышите их дикий рев, - и думаете, что это - рычание страшного льва. Но дайте себе труд прислушаться и вы поймете, что это ревет дикий осел и визжит трусливый шакал! Вы думаете, что социалисты страшно сильны. Разуверьтесь! Они сильны только наглостью и напористостью, порождаемыми верой в свою безнаказанность. Социалисты сильны только вашей пассивностью. Вы не решаетесь вступить с ними в борьбу, думая, что за ними несметная масса союзников и сочувствующих. Разуверьтесь! За ними тащится огромный хвост не бойцов, а мародеров и маркитантов, скупщиков награбленного! Вы думаете, что в критический момент социалисты найдут активную поддержку основной массы населения? Разуверьтесь! Эта "основная масса" склоняется в сторону социалистов только до тех пор, пока думает, что победа останется за

социалистами. Но стоит социалистам начать терпеть поражения, та же основная масса не только отвернется от социалистов, но и набросится на них! Еще раз и еще раз Муссолини взывал и к обществу, и через его голову, ко власти, приглашая вступить в борьбу с социалистами. Общество откликнулось на этот призыв притоком волонтеров и средств в лагерь фашистов. Правительство же пошло другой дорогой. И если дальновидный Джолитти отказывался вступить в угоду социалистам, в открытую борьбу с фашистским движением, то пришедший ему на смену безвольный и растерянный Факта, раб масонства, стал колебаться, и в конце-концов, под влиянием Амэндола, начал склоняться к излюбленной идее радикальной буржуазной демократии, по которой "у демократии нет и не может быть настоящих врагов слева. Им страшны только враги конституционно-парламентского строя". А фашисты - враги, ибо они не слева. Тем временем настроения в стране подвергались влиянию эволюции. Симпатии к фашистам росли, а вместе с тем безудержно росли и силы фашистской партии. В этот именно период руководители фашистской партии наткнулись на подводный камень, грозивший если не потопить, то, по крайней мере, сильно повредить их несшийся по взбаламученному морю, корабль. Этим "подводным камнем" был вопрос об отношении к монархическому строю. В первом периоде фашистского движения в рядах фашистов было очень много элементов, все симпатии которых находились на стороне республики. Объясняется это главным образом тем, что король Виктор Эммануил III, гордящийся своей строжайшей конституционностью, не нашел в себе энергии и решимости проявить инициативу в деле защиты государственности от яростного напора революционности, и в самые трагические моменты оставался на положении человека, который хотя и "царствует", но совсем не "управляет", ибо по закону "правит ответственное министерство", а король только прикладывает свою королевскую печать к решениям совета министров. Строгая конституционность короля дошла до того, что однажды он, при одном из министерских кризисов, обратился с предложением сформировать новое министерство к лидеру социалистов, Филиппе Турати, то есть, верховному вождю революционного движения и первому кандидату на пост революционного Президента Республики. Если, конечно, далеко не всеми, то очень многими молодыми фашистами проводилась такая теория: - Монархический строй связал себя с парламентаризмом. Парламентаризм, придя в состояние полного разложения, предает страну в руки социалистов. Мы самим ходом вещей вынуждены вступить в борьбу с парламентаризмом, а, следовательно, и с санкционирующим его монархическим строем. Значит, нет иного выхода, как республиканский строй. Однако, естественным союзником фашистской партии являлась достаточно сильная партия националистов, созданная и руководимая одним из талантливейших людей современной Италии, Федерцони, а националисты заявляли себя решительно монархистами. Их влияние парализовало влияние республиканцев, - но на том условии, чтобы Корона по крайней мере не вступала в борьбу против фашистов. Летом 1922 года социалисты сделали последнюю, отчаянную попытку раздавить фашистское движение, для чего им надо было захватить власть, а для захвата власти они рискнули прибегнуть к испытанному оружию - ко всеобщей забастовке. Но эта попытка позорно провалилась, обнаружив органическое бессилие социалистов. Осенью 1922 года фашисты, произведя генеральный смотр своим силам и подсчет силам противника, установили следующее: - В распоряжении Муссолини имеется готовая армия в 300 тысяч человек боевой молодежи, плюс еще тысяч полтораста резервистов. Социалисты же, собственно говоря, разгромлены, и, во всяком случае, не могут оказать мало-мальски серьезного сопротивления фашистам. Парламентское правительство пребывает в состоянии глубокого маразма, но непрочь вступить в союз с социалистами против фашистов, во имя спасения нарушаемой фашистами конституционной законности. Население, взятое в целом, совершенно равнодушно к участи парламентского правительства, а отчасти даже настроено отрицательно по отношению к этой власти, как дискредитировавшей себя позорной слабостью и подчинением социалистам. Во всяком случае, население и не подумает выступать в защиту Парламента. Что касается Короны, то она продолжает держаться пассивно и в стороне. Единственным опасным пунктом был следующий: как будет держаться правительственная армия? Если парламентское правительство решится объявить войну фашистам, - не найдет ли оно решительной поддержки со стороны регулярной армии? А с регулярной армией фашистским дружинам, конечно, не справиться... Фашисты знали, что офицерский состав почти целиком симпатизирует фашистскому движению, что много симпатизирующих имеется и среди унтер-офицеров, и даже среди рядовых. Но рядовой солдат, в общем, пассивен, и будет делать то, что прикажет офицер. Значит, все зависит от офицерства. Муссолини решил действовать, - и началась историческая мобилизация фашистской армии, за которой последовал "смотр в Неаполе", потом "поход на Рим", - робкая и неумелая попытка парламентского

правительства прибегнуть к силе для защиты угрожаемого строя, провал этой попытки, вынужденная отставка Факта - Шанцера, и феерический оборот: король внезапно обратился к тому же Муссолини, не как к верховному командующему уже окружившей столицу фашистской армии, а как к лидеру одной из легализированных политических партий, с предложением, вполне согласующимся с парламентскими традициями - организовать новое, парламентское же министерство, и взять на себя роль премьер-министра. Муссолини на это согласился, и взял власть в свои руки. Это было в октябре 1922 года. С этого момента начинается, собственно говоря, уже новая эпоха в итальянском фашистском движении: от творчества чисто партийного фашисты переходят к творчеству государственному. Партия в лице Муссолини приходит к власти, но эта власть санкционирована Короной, легализирована, - и поэтому сам характер действий партии должен из революционного сделаться допускаемым основными законами страны. Партия делается могучим, вернее сказать решающим фактором в жизни государства, но над ней, партией, становится Власть, которая регулирует ее деятельность уже не по чисто партийному критерию, а по сложному партийно-государственному критерию.

* * *

На протяжении всех предшествующих глав я старательно вычерчивал ту общую и частную обстановку, в которой зародилось и выросло в Италии фашистское движение. Но если мой читатель относился хоть сколько-нибудь внимательно к моему тексту, то он, надеюсь, уже понял, зачем я это делаю... Мне было бы, конечно, не так трудно начать с изложения так называемой "фашистской доктрины" в ее нынешнем виде или, применяя модное теперь выражение, в ее современном аспекте. Однако, если бы я сделал это, - у читателя сейчас родился бы ряд вопросов: почему, на каких основах, из-за чего дело пошло так, а не иначе? Откуда все это? Например, откуда отрицательное отношение фашизма к парламентаризму? Откуда такое же отношение его и к формальному демократизму, и к целому ряду институций, еще недавно объявлявшихся драгоценнейшим достоянием культурного человечества? И откуда, наконец, явное безразличие сорокамиллионной массы итальянского населения к судьбе этих институций? Я предпочел другой путь, и, следя за перипетиями итальянского фашизма шаг за шагом, подробно рассказал про главнейшие "откуда". Таким образом я начал с выявления элементов, из которых сложилось фашистское движение, и с ознакомления читателя, интересующегося фашизмом вообще, с теми "клеточками" из которых вырастала так называемая "фашистская доктрина". Эта "фашистская доктрина" и сейчас продолжает твориться, ибо жизнь не стоит на месте, и каждая тория, приложенная к жизни на практике, оказывается нуждающейся в исправлениях и дополнениях. Сам Муссолини любит повторять, что фашизм является, дескать, антитезой демократизма. Но такое очень уж краткое определение говорит очень мало. Надо, ведь, в первую голову выяснить, а что за штука тот "демократизм", антитезой которого является фашизм? И тут мы к несказанному удивлению увидим, что единого "демократизма" в мире вовсе нет, что в разных странах и в разных условиях под этот общий термин подгоняются весьма отличающиеся одно от другого понятия, что в определениях "демократического" и "антидемократического" идет разноголосица, и что очень часто ярлык демократичности или антидемократичности наклеивается совершенно произвольно по недоразумению или по недомыслию. Муссолини был бы гораздо ближе к истине, если бы он о себе сказал, что он является откровенным врагом большинства того, к чему человечество произвольно приклеило демократическую этикетку, и что в практическом приложении к жизни доказало в том или ином отношении свою непрактичность, нерациональность. До прихода ко власти в 1922 году, Муссолини очень часто разражался громовыми речами по адресу Камеры Депутатов и всей парламентской системы, построенной на выборном начале. Но было ли это безоговорочным принципиальным отрицанием и Камеры, и строя? Представьте себе, нет! Муссолини, как человек чисто практической складки, заботящийся не столько о форме, сколько о внутреннем содержании, о сущности, отлично определил свое отношение к вопросу о нашумевшем в конце 1922 года заявлении: - Мы, фашисты, пойдем с правительством, если оно решится бороться с грозящей погубить страну революцией. Мы, фашисты, будем действовать помимо правительства, если оно в борьбу с революцией не вступит. Мы, фашисты, вступим в борьбу с правительством, если оно пойдет за социалистами. По существу, тут речь шла не об одном только правительстве данного момента, а о той общей системе, одним из элементов которой являлось тогдашнее правительство. Придя ко власти, Муссолини несколько раз грозил Камере Депутатов упразднением, но, как мы знаем, - сохранил эту Камеру и до сего дня. Однако, он не задумался форменным образом выгнать из Парламента всех решительно социалистов, чтобы лишить их возможности делать Парламент

орудием революции для разрушения государственности. Обратитесь к речам и статьям Муссолини разных периодов, и вы найдете там регулярно повторяющуюся с некоторыми вариантами и применительно к обстоятельствам развиваемую и дополняемую идею: - Парламентская система любого образца, взятая сама по себе, и не плоха, и не хороша. Она может оказаться хорошей или плохой в создаваемых самой жизнью наций и всего человеческого рода условиях. Одна и та же парламентская система, примененная одновременно в разных по истории, по традициям, по этническому составу, по уровню культуры, по привычкам населения в странах, может в одной стране дать чудесные результаты, в другой привести страну на край пропасти. Во всем мире принято считать, что именно тот парламентский строй, который создан работой множества поколений в Англии, является наисовершеннейшим образцом, и что все решительно страны в собственных интересах должны вводить у себя именно такую же точно систему. Но это - грубейшая и непростительная ошибка, и вот почему именно: политический строй, вообще говоря, является не результатом чисто теоретических размышлений и построений, а результатом действия, взаимодействия или противодействия множества факторов. Этот строй должен вырастать из исторической почвы, а не пересаживаться в уже готовом виде откуда-то со стороны. То, что хорошо для Англии XIX или XX века, может оказаться не только бесполезным, но и прямо вредным, скажем, для Мексики. Одного всесовершенного государственного строя не может быть и нет. Каждая нация должна сама вырабатывать наиболее подходящий для нее государственный строй, применительно к имеющимся в ней экономическим и бытовым условиям. Я же лично знаю только одну оценку для любой системы правления: если она полезна, значит, она хороша. Если она бесполезна или вредна, то, значит, в данное время, в данной стране, в данных условиях - эта система плоха. Но это не значит, конечно, что она "вообще плоха": очень может быть, что та же система со временем будет полезной, или что она уже была полезной. Заслуживают особого внимания идеи Муссолини об английской парламентской системе. - Английская система родилась чисто эволюционным путем, медленно развивалась на чисто английской почве, питаясь ее живыми соками и систематически приспособляясь к местным условиям, которые тоже, конечно, менялись, эволюционизируя. К концу XVIII века оказалось созданной, отличающаяся удивительной цельностью и чудесно работавшая, машина. Изумительные успехи Англии, превратившейся в Великобританию и сделавшейся величайшей в мире Империей, загипнотизировали все остальное культурное человечество, которое и поторопилось именно наличием парламентской системы объяснить развитие богатства и могущества Великобритании. Это, конечно, проявление очень уж упрощенного взгляда на творящееся в мире, - но нет, конечно, сомнений в том, что парламентская система весьма способствовала процессу расцвета Англии, хотя отнюдь не исключена возможность и того, что, не будь парламентской системы, английский народ все равно, нашел бы пути и способы для своего развития. Но, вот, мы наблюдаем еще более чудесный расцвет С. А. Соединенных Штатов, которые, начав жизнь в форме простой колонии Англии, потом откололись от нее, и создали собственную государственную систему, очень резко и в самых существенных частях отличающуюся от системы английской. С другой стороны, мы видим ряд стран, которые, с началом XIX века, соблазнились английским примером, и, все-таки, совсем не процветали, чтобы не сказать больше. А знаем и такие страны, которые развались, как только ввели у себя английскую парламентскую систему... Что же это означает? А вот что: - Человечество еще не изобрело, да, вероятно, не скоро и изобретет такую государственную систему, которая одинаково годилась бы в разных странах, во все времена, во всяких условиях. - Абсолюта нет. А то, что иным кажется абсолютом, - на поверку является лишь фетишем. Я же не фетишист...

* * *

По мнению Муссолини, английская парламентская система могла действовать, и, действовала вполне удовлетворительно у себя на родине и в некоторых других странах, покуда на арену широкой политической деятельности не вышли социалисты. С того же времени начинаются сначала подозрительные перебои, указывающие на какой-то серьезный органический недостаток всего парламентского механизма, а потом и порчи его. В некоторых странах дело уже дошло до полного маразма всей парламентской системы, как в Италии. В других - к тому идет более или менее быстрым темпом. Значит, социалистов надо признать фактором, вызывающим разложение парламентской системы. Но почему же сама-то система оказалась неспособной предохранить себя от разложения? На это может быть только такой ответ: - Парламентская система английского образца создавалась не путем абстрактных размышлений, а применительно к существовавшим в Англии бытовым, экономическим и иным условиям. Построена

она на том, что в стране имеются только две мощные политические партии, "тори" и "виги", причем обе они совсем не революционны, и если у них существует разница во взглядах и программах действий, то разница незначительная. Ведь, и по учению Маркса, политический строй является лишь надстройкой на чисто экономической основе, а у консерваторов и либералов или радикалов эта "экономическая основа" совершенно одинакова: и те, и другие признают "священный принцип частной собственности". Спор между ними, в конце-концов, сводится к тому, в каком архитектурном стиле воздвигнуть фасад, и как распределить наличное население внутри здания, не меняя его объема. Сегодня у власти находятся "тори". Завтра приходят их противники "виги". Что же изменяется для всей массы населения. В сущности, ничто! Одно министерство начнет покровительствовать делу разведения картофеля, другое предпочитает дело разведения капусты. Но ни первое, ни второе не вздумают согнать с земли, ее владельца, отнять у торговца его магазин, отобрать у промышленника его завод, и отдать все это батракам, приказчикам или рабочим. Если даже строй монархический заменится строем республиканским, - условия существования и деятельности массы населения не претерпевают существенных изменений, ибо новая власть, сменившая старую, все же не осмелится посягнуть на коренное изменение экономической структуры, на отмену принципа частной собственности. Но, вот, зарождается социалистическое учение, нарождается социалистическая партия, и, войдя в силу, начинает пропихивать в Парламент и своих представителей. Какова программа действий? С какой целью социалисты идут в Парламент? Они этого совсем не скрывают: настоящая их программа программа революции, завладение властью насильственным путем, установление "диктатуры пролетариата". Но этим дело не ограничивается: революция политическая социалистам нужна для того, чтобы получить возможность произвести революцию экономическую, то есть, разрушить весь до основания ныне существующий капиталистический строй, и на его месте создать строй социалистический. Уничтожить не "политическую надстройку", не "фасад", не внутреннее распределение помещения, а все ныне существующее здание, вместе с его фундаментом. Творцы и создатели образцовой английской парламентской системы, идеологи и теоретики парламентаризма всех стран простонапросто не предвидели самой возможности нарождения такого учения, такого течения, такой партии, не могли предусмотреть возможность использования такой партией парламентских институций именно для своей разрушительной работы, и в результате, как мы видим, парламентская система оказалась везде и всюду безоружной перед лицом социалистов. В упрощенной до крайних пределов схеме, парламентский строй является эманацией капиталистического строя. Поэтому совершенно нормальным был бы только такой порядок, при котором и все атомы "эманации" были бы родственными по духу атомам источника той же "эманации", то есть, чтобы все депутаты Парламента были носителями идеи капиталистического строя, хотя бы и выливающегося в разнообразные внешние формы, но основанного на незыблемом принципе частной собственности. Если же дать доступ в парламентский организм атомам "эманации" иного экономического строя, в данном случае социалистического, то, разумеется, должен произойти такой же феномен, какой происходит от внедрения в живой организм совершенно посторонних этому организму элементов, которые будут действовать в нем, вызывая лишь болезненные процессы, воспаление, образование гноя, отравление, и, в конечном счете, смерть. А отравление с течением времени, должно принести с собой и разложение. С итальянской парламентской системой произошло именно такое разложение под влиянием ядов, введенных в ее организм социализмом. То же обстоятельство, что процесс развился так быстро, объясняется следующим образом: итальянский парламентаризм является не родившимся в стране организмом, а растением привозным, чуждым местным условиям, пустившим лишь неглубокие корни, и потому рахитичным в высшей степени. Между прочим, после вызвавшей столько волнений гибели социалистического депутата Маттеотти от руки фашистских экстремистов, после того, как уже пронеслась буря, грозившая разрушить еще тогда неокрепший фашистский режим, перед Муссолини стал ребром вопрос о том, как быть с имеющейся в Парламенте оппозицией вообще. И, вот, тогда Муссолини выставил следующую теорию: - В принципе, конечно, надо признать законное право существования за оппозицией, но на непременном условии соблюдения ею известной корректности по отношению к государственному режиму. Роль оппозиции, в теории, состоит в том, что она, производя неустанно критику действий правительства, держа правительство под своим придирчивым контролем, помогает тому же правительству избегать тяжких ошибок в деле государственного строительства. Но когда оппозиция переходит эти границы, ее "критика" превращается в систематическое взрывание основ существующего строя, ее "контроль" сводится к систематическим попыткам вызвать пожар и взрыв, ее деятельность вырождается в революционную интригу. И потому власть, сознающая свою огромную ответственность перед страной, не

только не имеет право, но и обязана обломать рога оппозиции, обезвредить ее. Между прочим, в своих схватках с парламентской оппозицией Муссолини неоднократно сбивал с ног противников метким и сильным ударом: - Кто, синьоры, выступает в роли такого пламенного, такого страстного защитника парламентской системы, защитника конституционной законности, всех институций? Да, ведь, это же мой старый знакомец, в прошлом социалист, а ныне и вовсе коммунист ТалэКвалэ? Понимаете, синьоры?! Старшие "товарищи", отцы и наставники этого моего старого знакомого, его вдохновители, русские большевики, те, ничуть не стесняясь, раздавили в лепешку народившийся в России парламентский строй и все демократические институций, и упорно требуют от наших коммунистов, чтобы они проделали то же и здесь. И мой старый знакомый Талэ-Квалэ преусердно работает в этом направлении. Но собираясь взорвать весь строй, чтобы на его развалинах построить советский парадиз, он же яростно набрасывается на нас за наше недостаточно почтительное отношение к парламентаризму, он яростно протестует против делаемых нами нарушений конституционной законности! Представляю вам самим, синьоры, дать оценку стараниям представителя оппозиции... На первых порах своего пребывания у власти, Муссолини ограничивался тем, что путем крутого нажима на Парламент добился удаления из его состава коммунистов, социалистов, крайних левых клерикалов, а также и вступавших в союз с ними республиканцев и радикалов. Парламент оказался основательно "вычищенным", и остались в нем, собственно говоря, только фашисты, да симпатизирующие им. Если бы Муссолини только этого пожелал, этот Парламент сам подписал бы декрет о собственном упразднении... Но пока что, Муссолини считает нужным сохранить такую совершенно стерилизованную и обеспеченную от проникновения революционной заразы Камеру. За подвергшейся описанной хирургической операции парламентской системы пришла очередь других институций, основанных на тех же формально-демократических принципах. В первую голову дело коснулось муниципальных и коммунальных учреждений. Как помнят мои читатели, в 1921-1922 годах наступательное движение фашистов против социалистов, производившееся по идее Муссолини и по им же выработанному плану, началось с изгнания социалистов из этих учреждений. После этого, в установленном порядке, править делами в муниципалитетах принимались или назначаемые правительством "временно" правительственные агенты, или же водворялись фашисты, проходя путем выборов. В кратчайший срок после прихода Муссолини ко власти социалисты были изгнаны из всех решительно муниципалитетов. Это был для них страшный, пожалуй даже просто смертельный удар, куда более страшный, чем разгром "Камер Труда" и "Клубов": с изгнанием из муниципальных и коммунальных учреждений, социалисты потеряли девяносто пять процентов источников дохода для своей партийной кассы, а, значит, и для содержания всяческих партийных органов. Между прочим, как курьез, отмечу следующее: за истощением средств, партия потеряла возможность содержать платных пропагандистов, агитаторов, пресловутых "организаторов рабочих масс" и организаторов забастовок. И, вот, весь этот красный гнус, оставшись без заработков, поторопился предложить свои драгоценные услуги... тому же Муссолини: - Мы - "спецы". Почему же вам не воспользоваться нашими талантами?! Муссолини - человек практической складки, он отлично знает истинную цену людям и вещам, - и он принял многих из своих бывших противников на работу, но, разумеется, держит их под строжайшим контролем! И посмотрели б какие ярые фашисты из них вышли, и с каким усердие они работают в пользу нового строя! Но это так, между прочим. А затем - вернемся нашей теме. На третьем году правления Муссолини стал поговаривать о возможности крупной реформы коммунальных и муниципальных учреждений, на четвертом году приступил к этой реформе, а на пятом ее провел. Состояла она в полной отмене выборной системы. Теперь в Италии уже нет выбиравшихся самим населением "синдиков" или "мэров", нет "консильеров" или "советников", "гласных". Иначе говоря - упразднено городское и земское самоуправление. Городское и земское хозяйство отдано в руки назначаемых сами правительством "подаста" и "асессоров", получающих жалованье от центральной власти, находящихся под контролем той же власти, и в своих действиях совершенно независимых от местного населения. Нам, русским, привыкшим смотреть на введение городского и земского самоуправления, как на факт огромного положительного значения, как на гигантский шаг по пути прогресса, нам может показаться очень странной реформа произведенная Муссолини на его родине, в стране, где принципы самоуправления имеют глубокие исторические корни, где соответствующие учреждения имеют иной раз многовековые традиции. Но раньше, чем выносить свой приговор по делу Муссолини, - послушайте, что он говорит, какую именно теорию выставляет... Та легкость, с которой раньше социалистам удавалось завладевать коммунальными и муниципальному учреждениями, обманывая население грубо демагогическими лозунгами, доказывает прежде всего, что обывательская масса

еще не доросла до настоящего сознательного отношения к делу. Предоставление населением социалистам возможности безнаказанно расхищать общественное достояние в пользу партийных организаций доказало, что население не в состоянии контролировать надлежащим образом органы самоуправления. И, наконец, то обстоятельство, что социалисты самым циничным образом употребляли свое пребывание в коммунальных и муниципальных учреждениях для осуществления антигосударственных целей, то есть, для проведения революции, не только политической, но и социальноэкономической, служит доказательством наличия крупнейшего и опаснейшего дефекта в целой системе. Опять-таки, формы самоуправления вырабатывались тогда, когда социализма еще не было, и никто не мог предусмотреть возможности их разрушительной деятельности в построенных на выборном начале учреждениях. Только опыт доказал погрешности и необходимость принятия мер. Культ самоуправления - продукт уже отошедшего в область истории прошлого, когда, при крайней примитивной системе экономики, при совершенно ничтожном товарообмене, отдельные общины или коммуны, хотя бы и доразвившиеся до степени городов с значительным населением, жили более или менее автономной экономической жизнью. Если их связь с общегосударственным организмом была сравнительно слаба, - это не представляло такой большой опасности для общих интересов. Но теперь существуют совершенно иные экономические и политические условия. Связь отдельных мелких экономических единиц между собой и с целым сделалась неизмеримо сильнее. Поэтому наглядной стала необходимость поднятия роли государственного центра, влияния центральной власти. Только развитие этого влияния даст возможность улучшить общую постановку дела путем согласования отдельных интересов, концентрации энергии и средств и проведения системы общего плана деятельности. Теоретически, - выборность "синдиков" и "консильеров" гарантирует отдачу дела управления коммунальным или муниципальным хозяйством в руки людей, пользующихся доверием местного населения, компетентных в местных вопросах, и, наконец, подготовленных к практической работе. Практика же показывает совершенно обратное: отдельные партии и группы пользуются выборной системой для проведения на высшие посты коммунальной и муниципальной администрации лиц, заботящихся лишь о партийных же или групповых интересах, людей, сплошь и рядом совершенно лишенных необходимых знаний. По закону, выборные "синдики" и "консильеры" должны все свои усилия употреблять на удовлетворение нужд населения путем разрешения экономических вопросов местной жизни. На практике - чисто практическая сторона отходит в сторону, и главным делом является деятельность, густо окрашенная в политические тона. В теории, борьба партий обеспечивает приход к власти лучших элементов населения, а на практике - это далеко не так. Мы знаем случаи, когда социалисты и их союзники проводили на высшие посты круглых невежд и заведомых хищников. Наконец, партийная борьба с периодическими выборами, с предвыборной агитацией, разжигающей страсти и обостряющей отношения, с беспардонными интригами, - все это слишком дорого обходится населению даже в смысле расходования средств на организацию всей этой выборной ярмарки. Отсюда и решение: выборность упразднить, а дело поручить агентам центральной власти, создав кадр опытных и образованных техников городского и земского хозяйства. Кстати: во многих маленьких коммунах, раньше имевших собственных синдиков и пр., проведена система объединения, и две, три, а то и больше коммун поставлены под управление одного общего подеста и штата его асессоров. Отмечу еще: как само население и не пошевельнулось и в защиту коммунального и муниципального самоуправления, доказав этим, как оно мало дорожит подобными институциями вообще... Очень и очень стоит проследить отношение Муссолини, его, так сказать, "доктрину" - к вопросу о печати, ее роли в жизни современного общества и пр. За короткие годы пребывания фашистов у власти, итальянское "газетное кладбище" неимоверно разрослось, и на нем появилось множество совсем свежих "могилок", из которых нашли себе ложе, главным образом, социалистические и анархические органы печати. Что же касается более или менее солидно поставленных и имеющих широкий читательский круг "буржуазных" органов, то "фашистская испанка" их пощадила, но... Но заставила их вылинять до неузнаваемости, или совсем перекраситься. Так, например, "Стампа", "Маттино" и "Корръерэ дэлла сэра", которые воевали с фашистским движением и травили самого Муссолини, теперь поют в унисон со старыми фашистскими или филофашистскими изданиями. За несколько лет до войны, я напечатал в "Современном Мире" большую и обстоятельную статью об итальянской газете, ее работе, нравах и обычаях, и не преминул отметить следующий факт: - Несмотря на режим полной свободы, несмотря на отсутствие каких-либо препятствий для роста социалистической и анархической печати, - она совсем ничто в сравнении с печатью "буржуйской". Достаточно сказать, что тогда весь дневной тираж всех вместе взятых газет социалистических и анархических был меньше тиража одного только

архибульварного "Маттино"! Это доказывает неоспоримо старую истину: несмотря на крик и шум, поднимаемые на весь мир социалистами и анархистами, припомните циничные признания Лассаля! - широкие слои населения не проявляют к социалистам и анархистам внимания, совсем не интересуются их партийной печатью. И у социалистов и анархистов нет иной возможности заставить массу читать их псевдолитературу, как путем зажимания рта "буржуазной" печати. Надо буквально уничтожить "буржуазную газету" - только тогда масса населения поневоле обратится к газете, на страницах которой глаголят истину великие во Израиле марксисты и бакунисты... Не будем говорить об анархистах; с ними можно, ведь, и не считаться.. Но, обратившись к социалистам, в частности социалистам Италии, мы видим, что их печать является во всех отношениях чужеядным растением паразитов. Издание социалистических газет всегда приносит только убытки и убытки большие. Добываемых легальным путем партийных средств не хватает на содержание социалистических органов печати. Их существование поддерживается искусственно. Например, "Аванти!" брало деньги весьма темного происхождения от германских социалистов. Мало этого, деньги добывались еще и описанным мною раньше способом вымогательства у населения социалистами, захватившими в свои руки коммунальные и муниципальные учреждения. Затем, именно социалистическая печать и с первых же годов своего существования выработала целую систему ускользания от законной ответственности редакций. Сама печать сделалась определенно, открыто - чисто революционным орудием разрушения государственности, и во дни Мировой Войны только параличом воли парламентского правительства, да покровительством всемогущего масонства можно было объяснить то обстоятельство, что явно изменническая и предательская работа социалистической печати вершится совершенно безнаказанно. И, вот, ко власти пришли фашисты с Муссолини во главе, и Муссолини пришлось воленс-неволенс заняться решением вопроса о печати в широких рамках. Отношение это выявилось не сразу. Явное дело, Муссолини долго колебался, пытаясь выработать основы своего решения. А кончил вот чем: не отвергая официально принципа свободы слова и свободы печати, оказался вынужденным ввести такие ограничения, что затронутые сферы принялись вопить об удушении свободной печати... Но все попытки социалистов подвести строго принципиальные основания под свои протесты натолкнулись на решительный отпор Муссолини, который неоднократно парировал нападки простым заявлением: - О принципе свободы печати вы мне не говорите, синьоры! Я, ведь, сам был социалистом, и кто-кто, а я-то уж знаю, каково отношение социалистов к этому вопросу! Меня-то не надуешь! Вы, социалисты, в лице большевиков, уничтожили всю буржуазную печать в России, и даже печать меньшевиков! Вы, социалисты, у нас же, в Италии, во время разгула революционного движения, делали все, что только могли, для лишения возможности существования буржуазной печати. Между прочим, науськанные вами типографские рабочие требовали установления форменной цензуры наборщиков над буржуазными органами печати, а ваши вожаки готовились, захватив власть, конфисковать типографии и задушить все газеты, кроме социалистических. Вам все это не удалось, и теперь вы вопите о нарушении нами, фашистами, того самого "священного принципа свободы печати", который сами вы категорически отрицаете! И Муссолини не задумался создать специальное законодательство, которое регулирует положение печати, вводя очень и очень серьезные ограничения свободы печати. Между прочим, по новым законам строжайше запрещается иметь так называемых "редакторовотсидчиков" или держать на постах "ответственных редакторов" лиц, забронированных от какой-либо наказуемости пресловутой "депутатской неприкосновенностью". Одного только введения правил об ответственности за преступления в печати оказалось достаточным, чтобы девять десятых органов печати социалистов и анархистов сошли в могилу. Еще и еще раз, простой и очень уж наглядный опыт блестяще доказал, что социалистическая печать может существовать в том только случае, если она пользуется полной и всесторонней безнаказанностью даже за самые грубейшие нарушения строго-конституционной и архидемократической законности. Социалисты и все, что они создают, - могут существовать и развиваться в том только случае, если им предоставляется право образовывать "государство в государстве". Чтобы более или менее исчерпать вопрос об отношении Муссолини к другим формально демократическим принципам, - мне необходимо отметить еще уже решенное упразднение суда присяжных заседателей с заменой его судом коронным и судом "шеффенов", и крупную реформу законодательства в смысле значительного повышения наказаний. На протяжении нескольких десятилетий Италия не знала, что такое смертная казнь, даже цареубийцам, даже организаторам отвратительных террористических актов, даже авторам леденящих кровь отвратительных, кошмарных преступлений. Теперь снова введен институт смертной казни за ряд преступлений. И во время ожесточенных дискуссий по этому вопросу неожиданно выплыл следующий факт,

заслуживающий самого серьезного внимания прежде всего со стороны нас, русских. - Все итальянское общество упорно, а по временам и яростно добивалось отмены смертной казни в период борьбы за освобождение и объединение страны совсем не по принципиальным и гуманным соображениям, а исключительно в силу того, что тогда институт смертной казни был очень сильным оружием в руках власти, отчасти иностранной, отчасти и национальной, но препятствовавшей объединению, которого добивалась интеллигенция. Что же касается выставлявшихся тогда соображений гуманитарного свойства, принципа недопустимости смертной казни вообще, и так далее, то это делалось исключительно с тактической целью... Не то ли же самое творилось и в России, в которой, на протяжении десятилетий, против смертной казни протестовали, вопя на всех перекрестках, главным образом - социалисты и их союзники, а когда старый строй рухнул, пришедшие ко власти "принципиальные противники смертной казни" принялись расстреливать одураченных, вокруг пальца обведенных россиян десятками, сотнями тысяч, миллионами?! О, "строгая принципиальность"! Итальянский фашизм, этот родоначальник фашизма мирового, выдержав длительную, крайне тяжелую и потребовавшую много жертв борьбу за право на существование, - с конца 1922 года стал быстрым темпом переходить в новую фазу, которую можно назвать фазой конструктивной, и с этого именно момента его высшие вожди, пришедшие ко власти над огромным государством, совершенно естественным образом пошли по пути разрешения вопросов узконациональных. Это, конечно, не замедлило отразиться не только на настроениях, но и на взглядах фашистов на фашизм: стал смолкать голоса о необходимости организации борьбы с социалистами в широком, в интернациональном, в мировом масштабе, прекратилось искание возможных союзников, а затем стали слышаться заявления, что у каждой нации - свои задачи, свои потребности, и каждый должен заботиться о своих интересах. Кому это нужно, - тот пусть берет пример с итальянских фашистов, пусть подражает им, пусть применяет к делу их опыт. Итальянские фашисты непрочь от этому с сочувствием, но не дальше. Ибо в каждой стране, раз победив своих врагов, фашизм естественным образом должен приняться за осуществление национальной программы, за обслуживание узко-национальных интересов данной страны, каковые национальные интересы могут не только не совпадать с интересами Италии, но даже и контрастировать с ними. Ведь, соперничество между отдельными государствами не только не смягчилось в результате мировой войны, но, напротив, приняло во многих отношениях еще более острый характер. Правы ли итальянские фашисты, ставя вопрос таким образом, - мы не будем здесь обсуждать. Достаточно признать факт и вывести логические заключения, то есть, признать, что итальянский фашизм, по целому ряду причин, добровольно отказался от идеи стать очагом мирового движения, войти в неразрывную, органическую связь с нарождающимися фашизмами других стран и, в союзе с ними, продолжать дело борьбы с мировым социализмом. Между прочим, на этом именно "провалился" знаменитый российский "король террористов" Савинков, который мечтал о развитии борьбы с российскими же большевиками, разлетелся было к Муссолини с предложением союза и получил от "Дуче" самый решительный и по форме, очень резкий отказ, который означал принятие следующей формулы: - Мы, итальянские фашисты, у себя дома раздавили социалистов, так что теперь нам совершенно достаточно сил нашей полиции для предотвращения какой-либо опасности с этой стороны. Что же касается засевших в Москве большевиков, то у нас не только нет ни малейшей охоты вступить с ними в борьбу, но даже, напротив, мы весьма непрочь поддерживать, до поры до времени, их господство над Россией! Мы, русские, имеем основания считать, что Муссолини, действуя так, делает весьма большую ошибку, ибо, если в России образовался гигантский очаг заразы, разносимой по всему миру, простой здравый смысл подсказывает невозможность ограничиться борьбой только с теми частицами заразы, которые заносятся в другие страны, не трогая их источника. Но, разумеется, - это дело личных взглядов...

* * *

Новый период в жизни итальянского фашизма, конечно, тоже представляет глубокий интерес, ибо тут производится громадного значения опыт государственного строительства на оригинальных началах. Однако, принимая во внимание, что нам, русским, оставшимся верными нашей родине, еще нет возможности приложить фашистские начала к делу нашего государственного строительства, ибо раньше надо освободить Россию от владычества большевиков и их союзников, для нас в настоящем гораздо важнее возможно более подробное ознакомление с методом и средствами борьбы с социалистами применявшимися в Италии в первом, так сказать "деструктивном" периоде их борьбы. Вот почему на протяжении всех предшествующих глав я так подробно очерчивал общую

обстановку, в которой происходило итальянское фашистское движение до завоевания власти, и выявлял тезисы, легшие в основу фашисткой тактики борьбы.

К сказанному раньше требуется еще кое-что дополнить. - Социализм является учением по существу чисто революционным. Сами социалисты могут сколько угодно твердить, что у них и в помыслах нет вступать в войну с капиталистическим обществом, и что социализм является по натуре движением эволюционного характера, так что "борьба" может вестись мирным образом, отнюдь не исключая возможности сожития и сотрудничества, - это ложь, это сознательный обман. Применяя образное сравнение, можно сказать так: социализм уподобляется пушечному пороху, главное назначение которого - служить для обстрела врага и для взрывов. Если же тот же порох и применяется, скажем, для целей пиротехники или для взрыва скал при дорожных работах, то это является применением второстепенным. Сама натура социализма такова, что о "мирном сожитии и сотрудничестве" могут говорить только невежды или профессиональные обманщики. Как только появляются где-нибудь социалисты, - они сейчас же вступают в борьбу, в форменную войну "на уничтожение" и "на истребление" с обществом, с государственностью. Обезоружить социалистов путем уступок им - нет возможности: каждую уступку им сделанную, они рассматривают, как свое завоевание, поощряемое к проявлению еще большей энергии, большей и более воинственной активности. Одним из догматов социалистического вероучения является признание, что "цель оправдывает все средства". "Цель" - это диктатура социалистов над массой населения, чтобы создать социалистический строй. И во имя этой цели дозволено решительно все, вплоть до истребления хотя бы и миллионов людей, разорения целой страны. Социалисты являются смертельными врагами всех так называемых "демократических начал", начиная со свободы совести, свободы слова, собраний, союзов, всеобщего избирательного права, равноправия и так далее. Социалисты - смертельные враги конституционно-парламентского строя, как всякого решительно строя, который не обеспечивает социалистической диктатуры. Но в странах, где еще нет парламентского строя и "свобод", такой порядок обеспечивает за ними возможность почти беспрепятственно вести работу по разрушению существующей государственности. Как только в данной стране появляются социалисты, между ними и существующим строем начинается своего рода поединок на смерть. Применяя образное: сравнение, можно нарисовать, такую картину этого странного "поединка": с одной стороны - общество, с другой социалист. Общество, неожиданно для себя, подвергается нападению социалиста, и только получив несколько ран, начинает догадываться, что это вовсе не случайно. Тогда оно начинает читать социалисту более или менее красноречивые наставления, протестуя против "безмотивности" нападения, заявляет, что поступать так очень нехорошо, говорит о своем миролюбии, о принципах гуманности, запрещающих подобные деяния, о нравственности, и так далее. Социалист, не моргнув глазом, выслушивает все эти нравоучения, и продолжает нападать, норовя нанести обществу смертельную рану. Получив ряд новых ран, общество спохватывается, и начинает обороняться, но самым тщательным образом избегает переходить в нападение, ибо, по им же, обществом, созданным законам, - нападение является тяжким преступлением В распоряжении общества имеется щит - "законность". В распоряжении социалиста - оружие. Когда социалист наносит удар, скажем, в бок, - общество прикрывает бок щитом законности, и обнажает грудь и живот. Социалист наносит удар в живот, и щит законности передвигается для прикрытия живота. Но отвечать на удары ударами же общество не решается: ведь, это же означало бы вступление в гражданскую войну, а гражданская война запрещается законами! Представьте себе двух людей, распря которых привела к необходимости решить вопрос оружием. Один из них вооружается дозволенной дуэльным кодексом шпагой, и извещает противника, что встреча должна произойти на таком-то месте, в таком-то часу, а до этого, конечно, всякие враждебные действия считаются недопустимыми. Другой вооружается ручной гранатой, дальнобойным револьвером, дубиной, кинжалом, банкой с ядом, и так далее, и не дожидаясь назначенного часа, пускает в ход свой арсенал, поджигает жилище противника, спящего мирным сном, и душит его дымом, бросает в окно бомбу. Стреляет из револьвера, и, наконец, всаживает отравленный кинжал в спину. Ясное дело, - все шансы в таком оригинальном поединке на стороне нападающего, притом же такого, который ни с какими правилами дуэльного кодекса не считается, ничем себя в своих действиях не ограничивает, пускает в ход любое оказывающееся пригодным оружие, не останавливается ни перед чем. Но если коварное и предательское нападение почему-либо не удается, и сам нападающий оказывается в опасном положении, - он сейчас же принимается вопить на весь мир о негуманности противника, о будто производимых этим противником

отступлений и нарушений законности. А если его наивный противник смутится, - и опустит оружие, - нападение возобновляется. Фашисты отлично поняли и учли все это, - и в основу своей тактики поставили следующие тезисы: - Раз приходится иметь дело с социалистами, то было бы безумием ограничиваться пассивной обороной, ибо кто только обороняется - тот погибает. "Поединок" между обществом и социалистами - это не театральное представление, а борьба, в которой один из борцов должен быть не только "отбит" или даже "побежден" и "повергнут и обезоружен", но уничтожен, и если Человечество не желает играть роль кролика, распластываемого социалистами на вивисекционном столе, чтобы произвести "интересный" социалистический эксперимент, оно, Человечество, должно само перейти в атаку, пустить в ход все свои силы, все имеющееся в его распоряжении оружие, применить все способы и все средства для уничтожения ядовитой гадины. Вне этого - нет спасения.

* * *

Как-то мне пришлось беседовать о фашизме и Муссолини с одним видным итальянским социалистом, раньше бывшим другом и соратником Муссолини, а ныне его смертельным врагом. И, вот, этот ненавистник Муссолини сказал мне: - Сам по себе, фашизм - это чистейший вздор. Это вовсе не "система", а пестрая коллекция из произвольно нахватанных осколков разных систем, связанных гнилыми веревками и готовых рассыпаться. И что же тут действительно нового и оригинального? Ровным счетом ничего! Частная собственность? Старо, как мир! Семья? Старо, старо! Национализм? Старо! Иерархия чуть ли не "милостью Божию"? И это бесконечно старо! Сотрудничество классов? Совсем одряхлевшая кислосладкая буржуазная теория, окончательно разоблаченная Марксом! Говорю же вам, что тут ровным счетом ничего нового и оригинального нет! - А в социализме? - осведомился я в тон моему собеседнику, - То есть, как это? - возмутился он. - Вы ставите фашизм на одну доску с социализмом?! - А почему нет, раз вы ставите такой вопрос?! Что есть действительно нового и оригинального в социализме? Отрицание принципа частной собственности? Старо, очень уж старо! Было у первобытного человека троглодита! Отрицание семьи? Было у того же троглодита! Борьба классов? Было у греков, было у римлян... Отрицание принципа национальности? Было у древних христиан, было у магометан, было у буддистов... Даже пресловутая "диктатура сознательного пролетариата в переходном времени", и ее не вы, социалисты-марксисты, выдумали: ее тысячу лет назад выдумал персидский "маг" и шарлатан Маздак. Потом ее вторично выдумал китайский мандарин Ванге... Даже "советы" не вами, марксистами, выдуманы: подобие их существовало в организациях рыцарских орденов... Мой социалист чуть не задохнулся от ярости, но не нашел, что возразить, а потом опять набросился на фашизм: - Все равно, даже если так! Во всяком случае, наша доктрина есть нечто цельное, а фашистская доктрина есть только амальгама из отживших идей уже пройденных человечеством этапов! И если бы не влияние самого Муссолини, - то из фашизма так ничего и не вышло бы! А все влияние Муссолини объясняется тем, что он прошел социалистическую школу, проклятый ренегат социализма! Он знает все наши уязвимые места, и коварно пользуется этим знанием для нанесения сокрушительных ударов в спину! Но когда-нибудь он сойдет со сцены, его уберут, или он сам умрет, и тогда фашизм лопнет, как мыльный пузырь! - Утешайтесь сей надеждой! - засмеялся я. - А я на вашем месте подумал бы, что, ведь, теперь есть своего рода "школа Муссолини", что в этой школе учатся десятки, может быть, сотни тысяч боевой молодежи, и что "фашистская теория" разрабатывается в своих отдельных частях и помимо Муссолини. А, главное, не десятки, а сотни тысяч, может быть, многие миллионы людей поняли одну простую истину, раскрытую обществу Муссолини, бывшим социалистом: чтобы успешно бороться с вами, социалистами, надо применять те же, вами, социалистами, изобретенные и выработанные методы борьбы, и прежде всего - во главу угла поставить ваш же, социалистический принцип, по которому за деяния одного социалиста, если только эти деяния вытекают из партийной программы и согласуются с общепартийной тактикой, отвечает вся партия, а в партии ее вожаки. Затем: так как социалисты из систематического террора сделали главное свое оружие - то такой же, и сугубый террор - должен быть применяем против них, по принципу - два ока за одно око, и вся челюсть за один зуб. - Позвольте! - Нет, уж позвольте договорить мне, синьор мой! Вы, социалисты, сами противопоставили себя всему человечеству. Но этим вы дали полное право этому "всему человечеству" смотреть на вас, как на порвавших с обществом, и потому потерявших все права гражданства, даваемые обществом своим сочленам. Раз вы не признаете законов общества, то общество имеет полное право считать вас стоящими вне закона, и соответственно с этим поступать с вами... - Но, ведь, это же возврат к варварству?! - вознегодовал мой социалист. - Возврат к

варварству! - согласился я. - Но по чьему же, позвольте узнать, почину? В результате чьих именно действий? Согласно с чьей программой?

* * *

И сам Муссолини, а за ним и его соратники и единомышленники, и не только из итальянцев, но и из фашистов других национальностей постоянно твердят миру, который недоуменно и растерянно присматривается к новому и малопонятному для него движению, к фашизму: - Мы не правые, мы не левые: мы - фашисты. Мы, фашисты, не отвергаем старого из-за того только, что это - старое. Мы в старом отвергаем только то, что является уже отжившим. Но мы не отворачиваемся и от нового ради только того, что это - новое: мы испытываем его, изучаем, и если оно оказывается могущим быть полезным, - мы берем его. Мы, фашисты, сознаем и признаем, что в мире нет всесовершенных, абсолютных и неизменных, форм общественности и государственности, ибо в мире идет беспрерывный процесс эволюции, изменяющий постоянно условия. Но именно поэтому-то мы, фашисты, и не преклоняемся перед разными фетишами, и отказываемся признавать незыблемыми догмами разные теории, претендующие на монопольное господство в мире идей. Мы, фашисты, не довольствуемся проторенными уже дорогами, но стараемся проложить новые, нами созидаемые дороги. Мы, фашисты, радикально отличаемся от социалистов вот чем: социалисты воображают, что настоящая история человечества началась только с выхода на сцену Карла Маркса и Лассаля с их "научным социализмом", мы же, фашисты, твердо помним, что человеческая культура существовала и до рождения Маркса, и что прожившее в творческой деятельности человечество прошлых тысячелетий успело открыть многие близкие к абсолюту и великие по своему значению истины. И мы, фашисты, боремся за защиту созданных человечеством и губимых социалистами великих ценностей. Так, например, мы, фашисты, признаем, что религия вовсе не есть "опиум для души", а, прежде всего, могучий и незаменимый фактор прогресса. Мы, фашисты, знаем твердо, что и "Нация" - тоже великий фактор прогресса, и мы защищаем "Нацию" против безумной попытки заменить национальный строй интернациональным. Мы видим прогрессивную, а не регрессивную силу в семье, и защищаем семью. Мы признаем абсолютную невозможность полного уничтожения всех классов, ибо "классы" являются совершенно естественным и потому законным продуктом селекции. Уничтожьте все классы в угоду какому-нибудь одному, и этот единый класс немедленно подвергнется процессу дифференциации и станет расслаиваться на такие же классы, только с значительно большим процентов дефектов. Признавая права "Нации", мы логически признаем огромное значение и за патриотизмом, и видим в нем не отрицательную а в высшей степени положительную силу, необходимую для прогресса. Вместо "классовой борьбы" - мы признаем и проповедуем "общеклассовую солидарность", в которой соревнование классов играет положительную роль. Мы знаем, что "неограниченная свобода" означает на деле "общее рабство" и господство злой черни. Но, в то же время, мы знаем, что права индивидуума должны быть ограничены в пользу Государства, а долг Государства не допускать порабощения одних другими. Мы знаем, что в настоящей стадии своего развития человечество абсолютно не может упразднить частную собственность, но мы не настолько наивны, чтобы признавать неограниченные права частной собственности. Всему есть мера, для всего есть предел. Мы знаем, что учение социалистов о "пролетарской культуре", о "пролетарской науке", "пролетарском искусстве" и пр., есть наглый обман, ибо в мире есть только "человеческая культура", "человеческое искусство", "человеческое творчество". Мы, фашисты, знаем, что современное человечество есть дитя прошлого и мать грядущего, только звено между прошлым и грядущим, и учитываем все значение связи и с прошлым, и с грядущим. Социалисты делают свою ставку на грубую силу темной, невежественной и буйной массы, и в частности на силу черни. А поэтому им приходится поневоле делать ставку на невежество, на подлость, на зверство. Мы, фашисты, веруем в то, что качество является более мощной силой, чем количество, мы знаем, что чернь способна на разрушение и что она неспособна к творчеству, а потому мы делаем ставку против господства черни. Наша ставка - на знание, на способности, на талант, на любовь к Родине, на готовность самопожертвования для Родины и достоянием и жизнью. Социалисты делают свою ставку на диктатуру, но вовсе не диктатуру пресловутого пролетариата, а только социалистической "головки", веря в возможность заставить Человека сделаться социалистом - ударами дубинки по голове. Это - ставка на голую силу. На силу кулака. Мы не отрицаем "диктатуру", напротив, признаем, что бывают такие условия, при которых в диктатуре - единственное опасение. Но мы знаем, что ударами дубинки по черепу можно или убить человека, или сделать его злым и лукавым рабом. А в то же время мы признаем, что "дубинка" может

служить очень хорошим средством защиты общества от кровожадных тигров и от шакалов и гиен, напяливающих на себя львиные шкуры. И наша главная ставка - тоже на силу. На силу Человеческого Ума. Такова наша фашистская доктрина...

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
http://filosoff.org/ Приятного чтения!
http://buckshee.petimer.ru/ Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
http://petimer.ru/ Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
http://worksites.ru/ Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
http://dostoevskiyfyodor.ru/ Приятного чтения!